Выскочивший из круга

Сергей Юрьевич Юрский

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

От автора:

У нас нынче время стабилизации. Это все говорят. Но время – одно, а отдельный человек – немного другое. Вот он, вроде, и вскочил во все блага новых возможностей, а его понесло черт-те куда – вон, к какому-то другому равновесию. Ну просто смех и грех! Что с ним делать, с этим выскакивающим? Дать ему, что ли, высказаться? Ну что ж, пусть говорит.

А то, что там, наверху, где указывают автора, стоит мое имя, так это просто так вышло. Не обращайте внимания. В суть взгляните. Такой, знаете, fiction про non fiction.

- Сергей Юрский. Выскочивший из круга
  - Часть первая
    - Глава первая
    - Глава вторая
    - Глава третья
    - Глава четвертая
  - Часть вторая
    - Глава первая
    - Глава вторая
    - Глава третья
    - Глава четвертая
  - Часть третья
    - Документы
      - Документ первый
      - Документ второй
      - Документ третий
      - Документ четвертый
      - Документ пятый
      - Документ шестой
      - Документ седьмой
      - Документ восьмой

Сергей Юрский. Выскочивший из круга

Сергей ЮРСКИЙ
ВЫСКОЧИВШИЙ ИЗ КРУГА

Повесть (правдивая)

Часть первая

Глава первая

Тут нужно обратить внимание на все или вообще за это не браться

Деньги делают имя. Но и имя делает деньги. Если мозги в голове есть. А когда уже кое-что сделалось, солиднее надо себя держать. Можно, конечно, работать на всяких взбрыках, то есть оригинальничать, но это дешевка. И выставлять себя особенно не надо. А следует вокруг смотреть – что люди делают, что в правильных журналах пишут, вообще, чем воздух пахнет.

Олигарх не олигарх, но чего-нибудь стою. Многие уже пониже меня. И есть закон (правильный закон!) – вниз не смотри! Вот как если на Эйфелевой башне стоишь, вниз не глазей! Смотри вдаль… и вверх! То-то и дело – вверх! Ты высоко, а погляди, что там еще выше творится.

Элитарный журнал “Драгун” я с прошлого года сделал постоянным чтением. Все новинки, любая мелочь – все там. Рекомендации. Что уже модно, что пойдет в моду, допустим, к маю. Что безвкусно, чего никак нельзя допускать, какие привычки давить в себе беспощадно. На какую страну и в чем больше ориентироваться. Тут важно не только картинки смотреть, но и вокруг оглядываться – наш поселок в этом смысле тоже вроде картинки или выставочного зала. Такие люди живут! Страшное дело! Сам факт существования рядом с ними требует не спускать с себя глаз. Вот и поглядываю, тянусь за ними. В фитнес-зале кое с кем встречаюсь, с Говорко и Милдовичем у нас общий тренер. В теннис прошлым летом играл с Дрошиным. Ну, а такие люди, как Бугримов Степан Арамович, те, конечно, всё на своей территории – и теннис свой, и причал с яхтами. И забор глухой с контрольными будками, охраной и круговым наблюдением. Его только в машине можно угадать, да и то неизвестно, в какой – едут цепочкой. Пару раз был я у него за забором (он собирал кое-кого из соседей по поводу водопользования реки) – был в первом гостевом доме. Сильное впечатление. Особенно по распределению обязанностей обслуги. Сильно! Ну и сам дом, это говорить нечего. Но основной его дворец – это я только издали видел. Это вообще… Это вне сравнений. Тут даже виллы Говорко и Милдовича, и даже всенародной певицы Поляны – все это дерьмо дерьмом в сравнении с бугримовским комплексом.

Но теперь, если кто захочет следовать за течением моей

мысли, обратим внимание на важнейшее в нашей жизни. Ведь дом, семья, одежда, машина, даже спорт – все это, в конечном счете, внешнее, или, как даже правильнее говорить, – плотское. А есть вещи поважнее. Это то, что внутри, то, что в руки не возьмешь. Духовное здоровье. Страшное дело! Это вот самое главное! И залог ясности взгляда, равновесия, долголетия в полном здравии (в полном! – включая потенцию!) и, может быть, даже… ну, не бессмертия, конечно, но такого правильного, как сказать, обеспеченного перехода в иной, если можно так выразиться, отрезок существования. Вот о чем думать надо в первую очередь!

И тут журнал “Драгун” тоже серьезный советник и консультант. Само собой, надо в церковь ходить и отстегивать на нужды. Я и хожу. Не то чтобы часто, но праздники соблюдаю, и все, что там надо, за мной не залежится. Церковь у нас, кстати, отличная – новенькая, с иголочки. Но не о церкви речь. А о том нутряном, что в нас спрятано от мира и вместе с тем таинственно, невидимо связано с миром. Это то, что в журнале “Драгун” идет в разделе под общим названием “Эзотерика”.

Тайна! Страшное дело! От планет и комет до последнего муравья и травинки – все тайна. И все взаимосвязано. ЧЕМ? – вот вопрос! Я уж не говорю о человеке, это вообще! Когда разрежут, – а я видел это, стоял возле операционного стола, – кажется, ну чего там? Требуха и кровища, и какие-то кишки пульсируют. А как зашьют, оклемается – на тебе! Ходит, глядит, соображает, посмеивается и даже подлости всякие делает, сволочь такая. Это Человек! Это чудо! Страшное дело!

Так вот, это сосуд, вместилище. И его надо держать чистым. А он все время пачкается. Шлаки накапливаются. Повсюду – в желудке, в крови, в сосудах, в мозге. Мы потому и умираем, что шлаков накопилось по горло. Дальше некуда. И всё – копыта на сторону. А если б не шлаки, Боже ты мой, могли бы до пятисот лет жить. Буквально – до пятисот лет, как Адам и прочие. И даже дольше, пока совсем не надоест.

Вот это и есть эзотерика – главная тайна существования. Об этом и речь. Ну, ладно, к делу.

Появилась в поселке новая машинка. У нас их, разных, без счета. Конечно, приглядываешься, – кто на чем ездит, кто на что меняет, делаешь выводы. А тут появилась такая малютка горбатенькая, но, между прочим, глазастая – фары, будьте любезны, я таких не видел. И фирма “Lexus”. Девица в машине ладная, упакованная. Не здешняя – это точно. Заезжает в супермаркет и к кому-то. Вопрос – К КОМУ? Два раза вижу ее,

пять, десять, и все в вечернее время. Спросил Говорко: “Видел?”. А он: “А-а, эту? Видел. Это к Бугримову – Зубочистка”.

Меня как палкой по голове шарахнули – вспомнил. В октябрьском номере “Драгуна” статья была. Суть такая: выведение шлаков – сейчас основное направление медицины. Есть разные подходы. Диета особая и полное голодание. Это я проходил. Далее колонотерапия – такая сверхклизма, когда из тебя дерьма вылетает, как будто ты слон. Это мы с Милдовичем испытали. Страшное дело. Полезные всё вещи. Но, пишет далее статья, есть таинственный шлак, который концентрирует ВСЮ ГРЕХОВНОСТЬ НАШЕЙ ЕЖЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ. Вот мы думаем, день прожил, бизнес идет неплохо, все обустроено, зла я никому не делаю, все нормально – так? А вот не так! Ты и не заметил, как, допустим, лягушку раздавил, ветку сломал, кого-то грубо послал и в бизнесе кого-то ненароком прищемил. Куда деваться – реальная жизнь. А оно все откладывается. Можешь, конечно, плюнуть – пусть откладывается, у всех откладывается. Ладно. Но тогда и живи свои, в лучшем случае, семьдесят пять лет и готовь себе гробешник. А не хочешь попробовать на пятьсот потянуть? Тогда задумайся.

Ты же каждой секундой своего существования нарушаешь природу. Ты же дышишь, жрешь без конца, испражняешься, а земле дышать не даешь – ты ее всю изрыл и застроил, ты все небо засорил самолетами и их выхлопами, ты реки испоганил. Вот! И все эти твои грехи КАЖДЫЙ ДЕНЬ откладываются в тебе и в пять-шесть раз сокращают твою жизнь.

Теперь главное. Этот особый шлак концентрируется вблизи от важнейших органов – во рту. У самых корешков зубов. И никакими пастами и щетками его не взять. Это на грани материи и антиматерии. Это очень трудно объяснить. Этот шлак выявлен недавно в американской лаборатории в Цинциннати. И пришли к выводу, что если его удалить, то всё! Готово! Человек обретает полноценную продолжительность жизни в размерах, как в Библии. Ну, условно говоря, пятьсот лет.

Делались опыты. И вот изобрели специальный инструмент и такую процедуру, что шлак этот УДАЛЯЮТ. И было в журнале название фирмы (уже нашей, московской), которая этим занимается.

Тогда, в октябре, когда я прочел это, – заинтересовался, но думал, что все находится в стадии разработки. А тут – горбатенький “Lexus” по вечерам к Бугримову (а Бугримов всегда по всем вопросам впереди всех), и эта дамочка с непонятными целями, и теперь это ключевое слово Говорко: “ЗУБОЧИСТКА”!

Не буду томить ваше любопытство, теперь рассказ пойдет быстрее. Но не слишком – все подробности в этом деле очень важны. Короче, познакомился я с ней. Зовут Зухра. Фирма называется “LW-16” – название мало что говорит, но вот спрос на их услуги и цена за эти услуги уже обращают на себя внимание. Страшное дело. К Бугримову она ездит с января три раза в неделю. Аппаратура вся при ней, а все составные – порошки, специальные жидкости – завозят туда оптом в коробках от фирмы. Ну, и есть еще главное – ампула LW. Это вещь одноразовая, доставляется из Цинциннати и очень нестойкая, должна быть совершенно свежая. Это тоже каждый раз при ней. Сейчас у Степана Арамовича возник уже некоторый иммунитет к шлакам, и визиты будут реже. Но бросать это дело нельзя, надо постоянно поддерживать.

Я рискнул спросить: “Ну, а результаты какие-нибудь заметны уже?”. Она смеется: “Что вы имеете в виду? И жив ваш сосед, и абсолютно здоров. И в чудесном настроении. Чего же вы еще ждете? Чтоб он на небо взлетел?”.

Мы оба посмеялись. Она очень обаятельная и приятная в общении. Я и говорю, вроде как в шутку: “Может, и мне присоединиться к эксперименту?”. Она ответила серьезно: “LW теперь уже нельзя называть экспериментом. Это апробированная система. Сейчас главное направление нашей работы – поиски удешевления лечения. Мы вполне понимаем, что это слишком дорого и доступно пока очень немногим. А дальняя цель касается человечества в целом. Если снижение вредных выбросов в атмосферу обсуждается на разных международных конференциях, то не пора ли задуматься о снижении общей греховности людей? Может быть, последнее даже важнее? Да, к сожалению, пока это дорого и недоступно массам. Но электроника тоже начиналась с безумно дорогих аппаратов”.

И я решился.

Глава вторая

Перечень того, что было вынуто из горбатенькой машины “Lexus”

1. Ну, первое, это надо сказать о цене. Лучше бы об этом потом, но, пожалуй, все-таки надо сказать. Первые два сеанса у них как бы пробные. Они входят в стоимость, но без предоплаты. Значит, потом, на третий раз, все оптом. А дальше оплата идет уже по факту – каждый раз или за месяц вперед, как договоримся. Не готов в данный момент опубликовывать реальные суммы, но цифры за первые два месяца набежали шестизначные. И не в рублях. Страшное дело. Но бизнес, слава Богу, стоит крепко, так что возможности есть.

2. При первом визите Зухры я сказал жене: “Сегодня к девяти приедет доктор. Так что ты не пугайся”. Таня крикнула: “Женщина, наверное?”. Я сказал: “Врачи иногда бывают мужчины, а иногда и женщины”. По-моему, нормальный ответ? Мы с женой давно не разговариваем, около восемнадцати месяцев, и я очень слежу за своими словами, когда все-таки приходится что-нибудь сказать. Жена крикнула: “Я так и знала!”. Чего она знала, что она могла знать? Ничего она не могла знать. Невозможная женщина, живет совершенно плотской жизнью. Ужас берет подумать, какие там шлаки накопились.

3. Зухра подъехала к воротам виллы ровно в 20.50. Я ей открыл ворота (они у нас автоматические), и она подрулила к крыльцу. Открыла багажник, и начался вынос. При таком размере машины удивительно вместительный багажник. Было вынуто:

Кресло, вроде шезлонга, складное (очень белая, плотная материя на никелированных трубках).

Белый медицинский чемодан-кейс, довольно большой.

Спортивная сумка, и в ней несколько коробок.

Два штатива из тонких трубок.

Прибор, похожий на велосипедный насос, – со шлангом, завернутый в полупрозрачную пленку.

Моторчик с адаптером и ножной педалью.

Прозрачный пластиковый кубик, сантиметров 15 высотой, и в нем белая ампула с жидкостью, формой похожая на Останкинскую башню.

Плоская коробка с прозрачным окном. В ней (потом оказалось) белый медицинский халат для оператора и черная блестящая простыня для пациента.

Мы все это вместе с ней перенесли в мой кабинет. Таня мелькнула на секунду в коридоре и крикнула: “Добрый вечер. Я его жена. Добро пожаловать!”. Я закрыл дверь кабинета и защелкнул замок. Зухра ловко раскинула довольно сложный шезлонг, у изголовья расставила штативы и стала прилаживать моторчик. Протянула провод с адаптером к штепселю.

“Где я могу руки помыть?” – спросила Зухра. Я крякнул, но отпер дверь и повел ее в ванную. Жена наблюдала с верхней площадки лестницы, как мы шли. Она крикнула: “Слева это его полотенце. А ваше будет справа”. Зухра сказала: “Спасибо”, а я сказал только: “Помолчала бы!”.

Что делала Зухра, и что со мной было

1. Она меня уложила на этот шезлонг – особый, даже с подлокотниками. Подушки не было, но был особый валик под шею. Накрыла всего меня черной блестящей простыней. Предложила черную повязку на глаза, если я захочу. Но я не захотел. Стала прилаживать мне большие наушники с проводом. Все похоже как в самолете.

2. В это время начали толкать дверь. Сперва спокойно, а потом часто и, кажется, даже ногой. Я крикнул из кресла: “Чего надо?”. Мой младший (девять лет) ткнул еще раза три ногой, а потом загундосил пронзительно: “Открой, пап! Пап! Ну, открой!”. До семи лет все было ничего, а как семь лет исполнилось, совершенно стал неуправляемый. Я открыл дверь. “Мама велела спросить, тебя от чего лечат?” – сказал Вадик с какой-то недетской грубостью. Я хотел его вышвырнуть из кабинета, но сдержался. “А чего ты весь в черном, как привидение?” – сказал Вадик. “Так надо. Иди, не мешай. Скажи маме, что у меня обследование”. “Я так и знала!” – крикнула жена, но видно ее не было. Она была там, за поворотом, в холле. Еще хорошо, что я не сказал: “Мне, сынок, приехали зубы чистить”. Представить трудно, что бы тогда было. Страшное дело. “Иди, Вадик, дай тете работать”. – “А я хочу посмотреть, как тебе будут укол делать”, – загундосил парень. “Какой укол? Кто тебе сказал про укол? Иди отсюда! Уроки сделал? Что по русскому задали? Иди к себе, занимайся!” “Не смей орать на ребенка!!” – низким голосом крикнула невидимая Таня. Я схватил парня за руку и крикнул: “Таня, забери его!!!” Зухра сказала: “Не надо… так не надо. Это все откладывается, накапливается… – Она сделала руками такие круговые движения ко рту, как бы загоняя туда воздух или какую-нибудь мошкару. – Труднее работать будет”. Вадик вдруг

вырвался от меня и метнулся к Зухриным коробкам, сваленным на полу. “Вв-оо!” – крикнул Вадик, схватив пустой прозрачный цилиндрик с остатками красного порошка. “Отдай тете!” – сказал я сравнительно спокойно, но почувствовал, как у меня напряглись скулы. “Все отдай тете, все отдай!” – на грани рыданий пропела Таня. Я закрыл глаза. “Пусть, пусть! Пусть возьмет. Вадик, возьми с собой эту капсулу. Можешь играть с ней. Только не вздумай ее съесть”, – тихо-тихо, почти шепотом прошелестела Зухра. И пацан вдруг застыл, уставясь на нее, а потом с ревом выскочил из кабинета, унося с собой цилиндр. “Пусть, пусть, я уже заправила!” – сказала Зухра. И в этот момент я поглядел на нее внимательно и подумал: “Да, это серьезно”.

3. В доме стихло. Зухра приладила мне наушники, они были большие и теплые. Щелчок, и в уши потекла такая вязкая, плывущая музыка. Какой-то особый женский голос, и мужской хор, и большой оркестр. И все это с каким-то широким дальним свистом. Глаза у меня стали сами собой закрываться, а она сильными пальцами раздвинула мне челюсти и нацепила на нижние зубы какую-то штуковину. Довольно большую, но не противную. Мятный такой привкус и немного, вроде, апельсин. Потом опять щелкнуло и загудело. У меня во рту из нижней челюсти в верхнюю ударил такой упругий, широкий фонтан. Вся голова мелко-мелко затряслась. В это время в ушах наддал оркестр и загудели саксофоны. А голос продолжал петь, и подыгрывала ему, вроде, гавайская гитара. И я отключился.

Когда все кончилось и она сняла наушники, я сидел как одурелый. На Зухре были плотные белые перчатки, и она держала в руках непонятной формы штуку с отпечатками моих зубов. Она ее завернула в тряпку, потом еще в другую тряпку, обмотала клейкой лентой и уложила в металлическую коробку.

“Зухра, это вы что пакуете? Грехи мои, что ли?” – я хотел пошутить, но губы не слушались и были как после наркоза.

Зухра быстро складывала в коробки пустые пробирки, пачки, сворачивала шланги. И при этом говорила: “Если вы “Драгун” читаете, обязательно посмотрите мартовский номер. Он уже вышел. Там интересный материал”.

Я смотрел, как она работает. Она была вся плоская, узкобедрая. Вообще говоря, не мой размер, но движения у нее какие-то особенные, и потом у меня было такое новое состояние, и музыка в ушах даже без наушников как будто продолжалась. Казалось, что эта музыка идет теперь из ее движений, из ее рук. Хотелось, чтобы она долго так собиралась, а я бы сидел и смотрел на нее.

“Вы пересядьте”, – сказала Зухра.

Я медленно поднялся, и она ловко сложила этот шезлонг.

“Это оставьте, – сказал я про пустые коробки, – я потом выброшу”.

“Нет, нет. Я все увожу с собой”.

Она сказала это твердо и не глядя на меня. Она снимала перчатки. Я понял, что спорить не надо. Мы взяли вещи и пошли на выход. Дом как вымер. Никого не видно, и ничего не слышно. Но у меня и мысли не было – где они, чего они? Наступило какое-то приятное безразличие. Пусть делают что хотят. А-а! Шлаки-то, наверное, вышли маленько, подумал я. Пока шли к машине, все ждал, что она спросит: ну, как вам? Какие ощущения? Понравилось? Будем продолжать? Но она молчала. Шла, стуча каблуками по плитке, и смотрела мимо меня. И я почувствовал ее уверенность. Она как бы знала, что понравилась и что будем продолжать. Сильная девица…

Она закрыла багажник и протянула мне руку: “В среду тоже в девять?”

“Давайте в девять… а хотите, позже…”

“Нет, лучше всегда в одно и то же время”.

Она села за руль и включила мотор. Зажглись эти особенные глазастые фары. Деревья стояли, не шевелясь, ветра не было. И совсем круглая луна блестела над ними.

“До свидания”, – сказала она.

“Ага, до среды… А вы, Зухра, замужем, если не секрет?”

“Нет, нет, – быстро сказала она. Я – нет. Я живу с подругой”.

“А-аа, в смысле…” – я не договорил.

Машина тронулась и выехала в ворота. Я нажал на кнопку. Ворота стали закрываться.

Глава третья

Такой случился поворот

Киру Гурецкую я лишил надбавок на два месяца, а Максима Горелика я уволил. Мало того, я позвонил Айвазяну в Адлер и предупредил, что, если он приголубит Горелика у себя, я выну свою долю из всех наших общих дел. И я прав, иначе нельзя было. Горелик обнаглел. Он приволок мне эту затею с “Чайным листом”. Я ему сразу сказал: “Мелочь. Занимайся металлом”, а он: “Не мелочь, там готовая сетка, накрывает целый европейский коридор от Дании до Италии”. Я спросил “Сколько?” Он назвал деньги. Толстые деньги. Я говорю: “За что так много?”. Он говорит: “Перспектива. Готовая сетка. Все накинуто, только дернуть”. Я сказал: “Дергай, просвети Киру, пусть посчитает и мне покажет. Но я если беру, то беру целиком, по полной, понял?” И тут он мне ввернул этого Айвазяна – дескать, без него нельзя, но он сильно поможет. Я сказал: “Посмотрим”.

Короче, Гурецкая дала добро, я поглядел, проверил и купил этот “Чайный лист INC”. Рыбешка мелкая, но ее много. Очень много. И будет еще больше. Треть Европы в доле. Наделали десяток дочерних ответвлений. И всю черноморскую дочку от Анапы до Сухуми я дал в управление Горелику, Айвазян – генеральный менеджер. Но я же им заранее сказал – ЭТО МОЕ. Вы управляйте, но ЭТО МОЕ. Ясно? А они там стали поверх накладывать свою схему. Как это? Ё-моё, Горелик забыл, что я его в рваных штанах взял к себе. Он только помнил, что мы в восьмом классе вместе учились. Но это был восьмой класс, а теперь я уже в сто тридцать восьмом. И разных гореликов я вижу на раз! Теперь не только у Айвазяна, я его везде достану.

К чему разговор? А вот к чему: я прав или неправ? Может быть, это грех? Может быть. Только с чьей стороны? У кого должны шлаки накапливаться?

Теперь, в среду приезжает Зухра. Все нормально, все, как всегда. Даже лучше – Таня с младшим уехали в Прагу на каникулы. Сажусь в кресло. Наушники. Повязку на глаза взял – так круче погружаешься. Пошла музыка. Нормально! Все идет к полному кайфу. И тут меня из этого апельсинового фонтана как долбанет по верхней челюсти. Очень сильно. Похоже, как боксерской перчаткой, но рука в этой перчатке – страшное дело! Я раньше занимался боксом – различаю. Я дернулся, все провода, шланги, повязки – все вылетело. Зухра орет, руки растопырила. Я

говорю: “Что там у тебя? Короткое замыкание?”. Но говорю хреново – челюсти не работают. Зухра бегает, отключает, развинчивает. А потом вдруг поворачивается и говорит: “Какие шлаки! У вас вчера, видимо, был какой-то серьезный грех”. А я как раз вчера уволил Горелика с треском и закрыл ему все каналы. При всех сказал: “В рваных штанах пришел ко мне, в рваных штанах и уйдет, все выну из него!”. Понятно? Может, я психанул, может быть. Но на ком грех? Кому положены шлаки? И на кой хрен мне эта Зубочистка, если она мне рыло чистит и не разбирает, кто прав, кто виноват?

И вот я бегаю по комнате малыми кругами – вокруг кресла, держась за челюсть, а Зухра чешет по внешней орбите и выдергивает из штепселей свои трубки и датчики. Боль, между прочим, почему-то не слабеет, а усиливается. Я ору: “Заговор, что ли?! За мои же бабки один меня обокрал, а другая мне морду разворотила. Я, Зухра Евсеевна, плачу за то, чтобы мои грехи с меня сходили, а не чтобы мне ими в челюсть тыкали”. А она – Зубочистка – ходит, сворачивает шланги и… молчит. Ни слова в ответ. Потом я немного успокоился, сел за письменный стол, а она кресло складывает. Сложила, закрепила, защелкнула свой белый баул и тогда только подняла на меня глаза.

Я говорю: “Ну, что делать будем? Моральный ущерб будем платить?”

А она: “Вы, видимо, мартовский номер “Драгуна” не посмотрели, а я вам советовала. Подобный экстремальный случай в принципе предусмотрен. В Цинциннати идут разработки. И оттуда приехал мистер Глендауэр. Они с Филимоновым внедряют одну идею. Я вам оставлю журнал – вот он”.

И уехала.

Остался я один, посидел, съел грушу. Потом коньяку выпил, вышел на улицу, прошелся до боулинга и обратно, опять глотнул коньяку и успокоился. Взял журнал, читаю:

Рейф Глендауэр

ТЕХНОЛОГИИ ПОЛНОГО ОЧИЩЕНИЯ

(по благословению Епископа Гендерского

и Ньюфаундлендского Афанасия)

Статья сложноватая, но я уже в какой-то степени подготовлен. Это как раз про мою зубочистку. Она у них называется TEETHCLEAN-SIN, то есть очищение грехов через зубы. А этот Глендауэр, он дантист, он и пастор, он и профессор по какой-то микроинженерии. Так вот, Глендауэр утверждает, что полного освобождения данная машина не дает по той простой причине, что шлаки (SLAG) НЕ ИЗНИЧТОЖАЮТСЯ ПОЛНОСТЬЮ, а только удаляются от согрешившего. А их необходимо ИЗНИЧТОЖИТЬ, и тогда будет результат. Ну, и тут же фотографии и описание двух аппаратов, которые они на своей “LW-16” разработали.

Первое – надо эту грешную крошку измельчить до микроскопических частиц, причем сразу после удаления изо рта (тут я вспомнил, как Зухра укутывала этот валик из пылесоса и потом обвязывала и прятала в металлическую коробку). Так вот, они изобрели специальную мельницу, которая дробит вообще все, и очень мелко. Этот аппарат нужно приобрести и иметь дома, чтобы дробить сразу после сеанса.

Но этого мало.

Второе – от этой греховной пыли надо вообще избавиться, она не должна оставаться на земле. Поэтому аппарат (тот – первый аппарат) прессует ее в такую капсулу, или патрон (там тоже есть фотография). Этот патрон вставляется во второй аппарат, который тоже надо иметь. Аппарат в виде небольшой пушечки. Она устанавливается возле водного пространства, и ты выстреливаешь этот патрон под 45 градусов между небом и водой. И вот тогда – всё! Полный порядок, шлаки (грехи) удалены и ИЗНИЧТОЖЕНЫ!

Статья довольно большая и, надо сказать, путаная. Но главное я ухватил. И тут же вспомнил, что в последнее время на речке от бугримовского берега постреливают, причем и на охоту не похоже, и на салюты домашние тоже не похоже – один выстрел, и точка – молчок! И стал я догадываться, что у Бугримова, конечно, пушечка эта уже есть, и он уже в полном порядке – чист, как младенец, и будет спокойно тут гулять по берегу лет еще четыреста пятьдесят. Удивляться особенно нечему – Степан Арамович и по возможностям, и по всякому прогрессу впереди нас всех.

Звоню Зухре, говорю: “Прочитал. Нужны подробности”.

Она и говорит: “А подъезжайте к нам на фирму. Обсудим сегодняшний случай, и поговорите прямо с Филимоновым, да и с мистером Глендауэром. Он тоже здесь”.

Вот такие факты. И от всего этого сильно я задумался. Вся

эта, прямо скажем, эзотерическая хреновина закручивает меня в какую-то воронку. Получается, вроде, я у них на крючке. А я этого не люблю. И запросто могу с этого крючка соскочить. Но, с другой стороны, когда речь идет об очищении от шлаков, когда начинаешь уже в себе ощущать живую душу и сколько на нее налипло, и как надо все это отскрести… когда, откровенно говоря, во весь рост встает вопрос, чтобы… ну, не до пятисот, но, скажем, до ста пятидесяти лет молотить, а не в пятьдесят пять откидывать коньки, как некоторые, есть о чем задуматься?.. Я думаю, есть. Мы за прошлую неделю двоих похоронили, одного в поселке, соседа, другого на фирме. Одному шестьдесят два, другому вообще сорок восемь. Значит, в среднем пятьдесят пять лет. Страшное дело.

И вот я хожу вдоль речки среди берез и мозгую, мозгую эту проблему. Что делать? Продолжать с ними или плюнуть? Или в суд на них подать за причиненный ущерб? И ни к какому выводу я не прихожу. Посоветоваться не с кем. О жене я не говорю, это дохлый номер, да к тому же она в Праге. Нет, я говорю о тех, с кем еще недавно в фитнес ходили, в боулинг, в баню, с девочками куражились. Я говорю о Говорко, о Милдовиче, о Дрошине, наконец! Вроде, свои ребята. Но вот какая штука интересная – чувствую я, что они меня теперь не поймут. Не знаю, почему, но я так чувствую. И дело не в них, дело во мне. За эту пару-тройку месяцев стал я как бы немного другой человек. Что-то у меня там внутри немного другое – и в мозгу, и вообще везде. Интересная вещь! И потом такая мысль: ну, если, допустим, сто пятьдесят или двести лет, то ведь не весь же срок опять тот же боулинг или баня с блядями. Надо что-то новое! И поэтому не надо в будущее лезть всей компанией – с Говорко, Милдовичем и тем более с Дрошиным. Так что советоваться не с кем. Был, был такой нужный человек, с ним-то можно бы об этом поговорить, он бы понял, и звали этого человека Максим Горелик. Но это был тот Максим Горелик, с которым в восьмом классе и потом сколько встречались! Это был не этот ворюга, который решил за мои же деньги меня крутануть и обобрать, как лоха. Нет, с этим не только говорить не надо, с этого надо шкуру драть, и я это сделаю, и я прав, потому что он вел себя, как паскуда.

И опять я один – среди берез, речка внизу, и бугримовские дворцы виднеются на том берегу за забором.

Проходят дни, и однажды как щелчок у меня в голове: в церковь надо идти! Помолиться там, всё, что полагается, а потом подойти к батюшке и сказать – так и так, нужен совет, больше, как к вам, идти не к кому. А батюшка у нас довольно пожилой, опытный – отец Борис (Склифосовский).

Прошелся я до церкви, поглядел расписание – нормально, завтра служба! Позвонил к себе на фирму, сказал – завтра без меня, крутитесь сами! И утром пораньше позавтракал и прямым ходом – в храм. Вошел где-то на середине мероприятия – отец Борис как раз сказал: “Изыдите, оглашенные, изыдите!”. Народу не мало, а так… средне. И почти все женщины. Я поставил везде свечки – большие взял, послушал, как поют, поглядел на лица – знакомых никого, подумал еще – ну, и к лучшему. Потом отец Борис Склифосовский говорит: “Господу помолимся!”. И стал я вместе со всеми креститься и кланяться. И смотрю я на лицо Иисуса Христа и говорю про себя: “Господи, помоги мне получить дельный совет и помоги разобраться, как и что будет у меня в жизни!”. А когда все кончилось и женщины пошли крест целовать, я встал самым последним в очередь и, когда подошел к батюшке, говорю: “Отец Борис, можно мне с вами поговорить, буквально десять минут?”. Он говорит: “Жди!”. Потом через некоторое время вышел и поманил меня к себе. “Ну, – говорит, – что вам?” Я говорю: “Вот какое дело…” – и начинаю ему рассказывать про зубочистку.

Он слушает молча и все ниже наклоняет голову, а глаза при этом смотрят прямо на меня, не моргая. А потом вдруг так хрипанул, прочистил горло и говорит: “Ты что это мелешь? Какие шлаки? Какая мельница для грехов? Грехи Бог прощает!”.

Я говорю: “Отец Борис, извините меня, я сам без понятия, но там все по благословению… Если грехи накапливаются…”.

“В церковь надо ходить и исповедоваться… А вы вообще… крещеный?”

“Пока еще нет, но я как раз собирался… отец Борис, я только хочу понять, если аппарат от Бога…”

“От Бога аппаратов не бывает! – рявкнул отец Склифосовский. – От Бога бывает благодать! Но не всем дается. Святой Дух от Бога бывает!”

“Вот я и говорю…”

“Что ты говоришь?! Помолчи лучше. ПОМОЛЧИ! Прости, Господи! Иди отсюда, не вводи меня во грех”.

“Вот я и говорю, от греха же никто не застрахован, все может случиться, и если ученые доказали, что грех застревает в зубах, то возможно путем долбления…”

Отец Борис закрыл руками уши и, быстро что-то бормоча, побежал от меня в другую часть церкви. Тетка, которая свечки продает, с ужасом смотрела на меня. Я подошел к ней и положил на стол три тысячи.

“Вам чего?” – прошептала она.

“Ничего. Возьмите вот… Извиняюсь… Спасибо”.

“Нет, нет, не надо, заберите, – сказала тетка. – Спаси, Господи! До свиданья”.

Я вышел из церкви, в голове гудел шум, и во рту было неприятно. Я стоял и думал: что теперь делать? Подошла женщина, из тех, что молились, сняла с головы платок и оказалась девушкой, довольно симпатичной. Сказала: “Какая благодать, правда?”. А я стою, как одурелый, и говорю: “В каком смысле?”. Она: “Видели, как на Херувимской солнце в окна светить стало?! И сейчас здесь, на улице…”. А погода, правда, классная. Настоящая весна. Я говорю: “Да, хорошо, и тепло совсем”.

Тогда она вынула гребень из волос, тряхнула головой, волосы рассыпались, и она совсем красивая стала, такая необычная. Она и говорит: “Вы, конечно, мужчина, но все-таки неправильно так нараспашку деньги держать. (Тут я только заметил, что стою посреди дороги и в одной руке у меня бумажник раскрытый, а в другой три тысячи, которые тетка не взяла.) Я вот сейчас на станции, – продолжает девица, – тоже стала в сумочке копаться, а какой-то подонок вырвал сумочку, спрыгнул с платформы и убежал. Я ахнуть не успела, и народа никого кругом. А там документы, и проездной, и денег немного.

Я говорю: “Ничего себе! Это где, у нас тут на станции?”.

Она говорит: “У вас, у вас! Я к подруге приехала – мы договорились, а у них заперто”.

Если вы до этого места дочитали, то скорее всего, у вас возникло такое соображение, ну, вот – началось: я сказал, она сказала, то, сё, потом переспали и так далее, короче, занудство. Ну да, да… потом, можно сказать, что переспали, а можно и иначе про это сказать, только вам-то что до этого? Но поймите, это не отступление от главного, это и есть главное. А я так подробно рассказываю про тот, первый разговор, потому что я, на удивление, помню его прямо дословно, а во-вторых, потому что тут важны все детали, и из этих деталей завязались такие узлы, что я их и по сей день распутать не могу.

Она сказала, что зовут ее Веста (опять неожиданное, необычное имя!). Я стал ей деньги совать, эти три тысячи, а она ни в какую. Кое-как уговорил ее, прямо насильно в руку вложил. Тут у нее потекли слезы. Причем лицо совершенно спокойное, не морщится, не кривится, а слезы из больших глаз текут, как из крана. “Дайте, – говорит, – ваш телефон. Я вам все верну, я не такая уж бедная”. Я смотрю на эти слезы, стою, как под гипнозом, и протягиваю ей мой мобильник. Она руки вскинула и говорит: “Да не в этом смысле! Номер телефона мне дайте, я вам позвоню

и привезу деньги”.

Ну, короче, завел я ее в кафешку “Три волонтера” (это прямо напротив церкви), накормил ее (она голодная совсем была), поговорили. Она студентка-дизайнер, но уже подрабатывает в одной фирме, подруга ее (из нашего поселка) тоже дизайнер. Они обе из Душанбе, но русским там жить невозможно. А муж подруги – тоже дизайнер – хочет создать свое дело. Сейчас подыскивает помещение для офиса. А его друг (мужа друг) – на удивление, тоже дизайнер, – сейчас оформляет виллу в Красногорске, там и живет, и оставил пока квартиру у нас в поселке подруге и ее мужу. Вот она к ним и ехала, ее обокрали, а их нету дома. Она подумала, что они в церковь пошли (они всегда в церковь ходят), и тут встретила меня.

Я, признаться, слушая про этих дизайнеров, запутался и немного заскучал, но лицо у нее, и грудь, и вся фигура, и одежда не только в порядке, но даже такие… манящие. Так что смотреть на нее можно долго.

Ушла Веста на станцию. Провожать я ее не стал, это уж было бы слишком. Но день этот был особенный, страшное дело! Вернулся домой, охранник говорит: “Вам корзину принесли”. Я сперва завелся: “Кто принес, какую корзину, кто тебе велел принимать?”. Потом пошел, глянул – вроде, ничего, нормально – подарок. Продуктовая корзина, и там шампанское, виски (хороший), французское вино, ну и разная икра, крабы, фрукты, армянское мясо копченое (забыл, как называется), короче – ужин на компанию. А я один. Сверху конверт, и в нём записка: “Фирма “LW-16” глубоко сожалеет о произошедшем инциденте. Приносим Вам свое сочувствие и извинение за причиненные переживания. В канун дня Благовещенья шлем наилучшие пожелания. Храни Вас Господь! Генеральный директор М.Г. Филимонов. P.S. Надеемся на дальнейшее сотрудничество. Уверены, что все Ваши грехи станут исключительно нашей заботой. С уважением, Генеральный директор М.Г. Филимонов. Господь с Вами!”.

Все понятно? Мне, например, ни хрена не понятно. Такой вот день, что все как-то непостижимо. Хотел позвонить Зухре, а потом подумал: что я ей скажу: “Спасибо за корзину, приезжай зубы чистить?”. Не стал звонить. Взял и напился. Выпил пива, потом водки, потом опять пива. Я вообще пить умею, держусь лучше многих других. Но тут от всей мути голова кругом пошла. Буквально – хожу, шатаюсь, торкаюсь обо все углы. Дом пустой, ору какие-то песни. Охранник прибежал смотреть, что со мной. Я говорю: “Давай в шашки сыграем!”. Играли в шашки. Потом пошел я на речку. Воздух изумительный! Немного полегчало. Мелькнула мысль: позвоню Маргаритке, вызову, она в любое

время куда хочешь приедет. Уже мобильник достал, и в это время с бугримовской стороны – ба-ббах! Выстрел. Вороны взлетели, закаркали. И… тишина. Во-о, думаю, бугримовские грехи полетели. Значит, Зухра там, у него. Очистился Арамыч! А я-то что же, Маргаритке звонить собираюсь? Стоп, думаю! Я уже другой человек, мне надо теперь… Чего мне надо теперь, вот вопрос! Зашел я в беседку – там у нас на горке стоит – лег на скамью и слушаю… – вороны галдят… дерево скрипит… катер по речке прошел… далеко… ветер дует… Потом слышу, кто-то рядом через кусты ломится, поднял голову – Веста бежит прыжками, как летит, в платке, но без кофты, глаза громадные, круглые… и машет руками – туда, мол, скорее, скорее… я вскочил и побежал через кусты к дороге, а там стоит длинный-длинный “Lexus” с длинными глазами… фарами, и около него в белом-белом костюме и тоже в белой-белой водолазке стоит Степан Арамович Бугримов, а в руке у него большой стакан с молоком. Тут подкатила мне к горлу тошнота, и я проснулся. Чувствую, совсем продрог на скамейке – вечера еще холодные. Во рту горько, все тело чешется. Иду домой и думаю: да-а, этот день я не забуду. И точно – не забыл, все помню.

Глава четвертая

Бывают такие знакомства…

Эта глава – вообще отдельный разговор! До остального это как бы не касается (хотя касается, и довольно сильно). Я одно понял: хочешь жить, грехи должны отскакивать от зубов! И тут надо идти с обеих сторон – надо и себя как-то держать, и в то же время продолжать удаление шлаков, причем наиболее современным, окончательным способом. Позвонил я Зухре, сказал, что хочу встретиться с ее начальством. И поехал на фирму. Об этом и рассказ.

“LW-16” помещалась в новом офисном доме. Большой дом в Малом Дербеневском. На шестом этаже. Все честь честью – лифт, мрамор, охрана внизу. Меня у дверей уже встречают – это охранник, значит, позвонил. Встречает парень – блондин, малорослый, но крепкий, это даже сквозь пиджак видно. “Пожалуйста, – говорит, – мы вас ждем, присаживайтесь. Кофе? Чай? Мандарины? Лена, займись гостем! Может быть, бутерброды или суп? Располагайтесь! Максимильян Геннадьевич просит извинения, буквально десять минут, они сейчас в лаборатории, внизу”. Лена притащила кофе и тарелку с фруктами, а блондин втиснулся за стол в углу и со страшным вниманием уперся в компьютер. Я сел, огляделся. Так все нормально, но ничего особенного. Только над столом, за которым уселась Лена, большой фирменный их календарь – сфотографирована чья-то разинутая пасть, и из нижней челюсти вылетают звездочки, образуя в правом углу название “LW-16”.

Я выпил кофе и говорю: “У вас как, курить можно?”. Блондин прямо подскочил в своем углу: “Ой, извините, с этим у нас строго, мы ведь совместная фирма, а у них, в Цинциннати, вообще никто не курит, весь город. Уже два года. Это ведь очень вредно для здоровья. Сильно сокращает жизнь. Может быть, рюмку коньяку или виски? Лена, займись!”. Я говорю: “Да нет, не надо… Может быть, потом… А вот интересно, коньяк меньше сокращает жизнь?”. Блондин говорит: “Коньяк даже больше сокращает, но он воздействует только на потребителя, а сигарета – на всех окружающих. С алкоголем решает индивидуальный выбор”. Я глянул на часы – десять минут прошло. Блондин заметил и говорит: “Ну, буквально еще две-три минуты, они сейчас поднимутся”. А я на это сказал: “Ладно, подождем… Так,

может, тогда по коньячку с вами, сократим чуток жизнь, а то чего так…” “Леночка! – крикнул блондин. – Быстренько! И бутерброды, семга, осетрина, да? Только я, извините, при исполнении. И потом я вообще не употребляю. И никогда не пил. Даже когда в ВДВ служил. У нас семья – староверы. Кстати, дед мой сто шестнадцать лет прожил. Девять человек детей”.

Леночка принесла. Мне уже и пить-то не хотелось, но раз затеял, так чего ж тут?! Я спрашиваю: “Значит, вообще… никогда? Страшное дело! А вам сколько лет?”. Он говорит: “Тридцать девять”. Я ахнул: “Да-а, – говорю, – я думал двадцать пять, не больше. Ну, тут ничего не скажешь, только, как говорится, за здоровье!”.

И тут дверь открылась, и вошло человек пять, одна женщина. Филимонов (я сразу понял, что это он и есть – под два метра, усы украинские кончиками вниз, и под пиджаком рубаха расшитая, тоже украинская) обе руки протянул, каждая с лопату, и замахал ими, как бы чтоб я не вздумал вставать со стула: “Виноват! Ждать заставили. Продолжайте, не стесняйтесь, гробьте свою единственную жизнь. А впрочем, Марианна Викторовна (он кивнул на женщину) даже диссертацию защитила, что в малых дозах алкоголь полезен. Так что не сомневайтесь, от одной рюмки еще никто не умирал, а когда гость пришел, а хозяин в подвале, сам Бог велел. Виноват! Не велите казнить, велите миловать”.

Я поднялся с рюмкой, чувствуя себя жутко неудобно. А они стояли все вокруг и смотрели. Я прямо не знал, как быть. А потом подумал – чего я уж так тушуюсь? Я им деньги плачу. И такие деньги, что рюмку-то коньяку выпить можно, чтоб тебе в рот не смотрели и не попрекали?

“Со знакомством! – говорю. И выпил. И не в то горло! И начал кашлять, перхать и давиться. А они все забегали вокруг меня, что-то советуя, чего-то протягивая. А я все вдохнуть никак не могу, пока Максимильян Геннадьевич своей лопатой не огрел меня по спине, и тогда только чего-то выскочило из дыхалки, и я стал приходить в себя.

“Прошу ко мне!” – говорит Филимонов, и мы все пошли во внутреннюю дверь, к которой был приделан крест.

Двое отстали, а Филимонов говорит про меня: “Это такой-то, такой-то, наш уважаемый клиент, интересуется измельчителем”. Марианна сразу, прямо на его словах, затараторила по-английски, но я уже и раньше понял, что который в черном, с белой пластиковой полоской на горле и в узких очках, это и есть знаменитый Глендауэр. Он мне кивнул, и я ему тоже.

Расселись мы в креслах, Филимонов продолжает: “Мы очень огорчены недоразумением, которое произошло у вас, это

серьезный срыв в работе аппаратуры. Зухра Евсеевна тут долго плакала, говорила, он обидится, потеряет доверие, а я ей говорю – обидится, извинимся, поклонимся и прощения попросим. Человек несовершенен, это от Бога, а механизмы должны быть совершенны. Так как вы, не обиделись? Как ваша челюсть?".

Я говорю: "Да ладно уж, это забылось, я бывший боксер, привык. Спасибо вам за корзину. Только что ж вы мне всякое спиртное прислали, это ж против ваших правил, да и новый грех, наверное?" – все это я говорю слегка ехидно и даже немного смеясь.

А он тоже широко улыбается (вообще такой простой в общении человек!) и гудит своим басом: "Искушение! Дорогой мой, искушение! В преодолении греха путь к Господу. Соблазны – они сладки, а ты поставь заслон, преодолей. Я ведь в свое время глубоко пьющий был человек, хочу подчеркнуть – глубоко! Я ведь грешен был многим, Марианна Викторовна не даст соврать. (Марианна в это время бодро жужжала в ухо Глендауэру.) Но одолел, снизошло, и очистил себя. Вот и друг наш, Рейф, он человек инославный, но все же христианин, хотя я их веру, по правде говоря, не переводи, Марианна, и не считаю за крещение, благодати нету, так он ведь и сейчас законченный алкоголик. Пьет, как лошадь, мозги свои, Богом данные, полощет алкоголем. (Марианна не переводила, однако Глендауэр, видимо, немного понимал по-русски, потому что рванулся с кресла и засверкал очками.) Но гений! ГЕНИЙ! – заорал Филимонов, и американец снова сел, утирая лоб платком. – Это, дорогой мой, – говорил мне Филимонов, – такая голова, которая присниться во сне не может. Мы же вот сейчас в подвале, в лаборатории нашей, провели испытание. Это же чудо!"

"Да, мы были просто поражены, – сказала мне Марианна Викторовна. – Измельчение превзошло все возможные барьеры. Открываются невероятные возможности. В будущем это может быть полный переворот в медицине. Перспектива МЕХАНИЧЕСКОГО уничтожения как микробов, так и, в дальней точке, – вирусов".

И тут с сильным носовым призвуком заговорил Глендауэр, а Марианна быстро, прямо на его речи, нам переводила: "Он состоит в обществе "Анонимных алкоголиков" штата Огайо. Он гордится этим, но сейчас не считает своевременным это обсуждать. Его больше интересует модель, которую только что испытали. Это, несомненно, достижение всего "Отдела перспективного моделирования" их института в Цинциннати. Они близки к превращению измельченного греха в антиматерию, то есть к полному удалению его из нашего трехмерного измерения.

Соблазны насылаются дьяволом, но сам он, Сатана, находится не в нашем умопостигаемом ареале, а как бы в изнанке Божьего мира. Вот туда, в изнанку, обратно к Сатане, мы надеемся выслать измельченные грехи наших пациентов".

"Это еще далекий план, – забасил Филимонов. – Мы в начале пути, но кое-что уже можем предложить. Понимаешь, – от волнения он даже стал говорить со мной на "ты", – понимаешь, эта мельница перемалывает все не в порошок, не в пыль, это ерунда, она перемалывает все в…" (Он не мог найти слова.)

В это время иностранец что-то каркнул, и сразу вслед за ним Марианна крикнула: "В НИЧТО! В ПОЛНОЕ ОТСУТСТВИЕ!".

Это было так страшно, что некоторое время мы все четверо тяжело дышали и вылупив глаза смотрели друг на друга. Первым заговорил Рейф Глендауэр, а Марианна перевела: "Наш гость хотел бы осмотреть ваши зубы".

Я пересел в раскладное кресло, такое же, как Зухра ко мне привозила (а может, это оно самое и было). Кресло придвинули к окну, и я так наполовину сел, наполовину лег в него. А Глендауэр в это время нацепил себе на голову обруч с приделанной к нему лампочкой, даже не лампочкой, а таким светильником в виде кнопки.

Я раскрыл пасть, а он резко наклонился и близко-близко придвинулся к самому моему лицу, сильно сопя носом. Марианна подлезла с другой стороны и тоже придвинулась. Я задержал дыхание и закрыл глаза. Пусть, думаю, смотрят, от меня не убудет. А они (не отлипая от меня) начали отрывисто говорить между собой на английском. Он что-то спрашивал, а она отвечала. Я даже понял – он спросил, курю ли я, и она ответила, что – да, к сожалению. Тогда он вдруг острым таким, кинжальным движением – рраз! – и засунул мне четыре пальца в рот, а выпуклостью ладони прихватил меня снизу за подбородок и стал пальцами слегка водить вправо-влево, а ладонью все сильнее давить снизу вверх. Я закряхтел, продолжая сопеть, а он крикнул мне прямо в нос: "ТЭРПЭТ!". И Марианна шепотом пояснила: "Потерпите, пожалуйста!". Дыхание у меня совсем перекрылось, и из глаз полились слезы. Я начал хрипеть, и он тогда выдернул руку и стал обтирать ее большим платком, который подала ему Марианна Викторовна. Глендауэр сказал длинную фразу, глядя на меня жутко расширенными за стеклами очков глазами. Тут Марианна захлопала в ладоши и даже стала немного подпрыгивать от восторга, и кричала при этом: "У вас большие перспективы! Огромные! Если вы решитесь продолжать, вы кандидат на очень серьезное долголетие. Он спрашивает, сколько прожили ваши родители". Я говорю: "Отец умер, восемьдесят

один год было ему, а мать и сейчас жива, в деревне живет под Иркутском, ей девяносто два, почти девяносто три, а дед вообще умер, – ему больше ста было". Иностранец сдернул с головы обруч, пошел к своему креслу, уселся напротив Филимонова и стал ему что-то говорить. Я уж не знаю, понимал ли тот, но, видимо, понимал, потому что качал удивленно головой и разводил руками. А Марианна в это время шептала мне в ухо: "Я никогда его таким не видела, он в абсолютном восторге от вас, он хотел бы вас показать в Цинциннати".

Филимонов поднялся и пошел ко мне: "Поздравляю! – он сильно сдавил мою руку своими лапами. – Его слово верное, общими усилиями можем достичь гарантированного результата!". Я тоже, как мог, жал его руку, а своей левой ухватился за лицо, потому что челюсть довольно сильно свело.

Открылась дверь, и вошел дежурный, блондин, с большим подносом в руках, на подносе много блюдечек с каким-то желе и три высоких бокала с жидкостью. Мы подняли эти бокалы, как бы издали чокаясь, и выпили. Оказалось, сок – незнакомый, но вкусный и сильно холодный.

"Проходит?" – спросил Филимонов про мою челюсть.

"Ага, отпускает уже".

"Ну вот! – удовлетворенно сказал Филимонов, – а вы, вообще-то, крещеный?"

"Пока нет, но я уже был в церкви, мы начали переговоры".

"Обязательно! Покаяние – это прежде всего. Без этого никуда. А там, глядишь, двойной тягой дело пойдет".

Тут Глендауэр и Марианна поднялись, откланялись, иностранец что-то сказал на прощанье, но дама даже не переводила, понятно было, что, дескать, наилучшие пожелания, до встречи в Цинциннати и прочее. Они вышли. А Филимонов пересел теперь за стол, вынул какие-то бумаги, и получилось, что я вроде бы у него на приеме.

"Вам повезло, что он тут оказался, – сказал Филимонов. – Истинно великий человек, хоть и алкоголик и, между нами говоря, – он наклонился над столом и подмигнул мне заговорщицки, – нехристь! Он у них там даже пресвитер, но это что ж?! Это ж протестанты, благодати на них нет! Разве ж это вера?! Однако, гений! Истинный гений! Что скажет, то и есть. – Он снова откинулся на спинку кресла и положил громадные свои руки на бумаги. – Так что? Шансы большие… Пробовать будем или?.."

"Да уж, видать…"

"Вот и ладно! Здесь, поглядите, чертежи, фотографии, рекомендации по применению, по хранению, а вот…" – он встал и

открыл шкаф за своей спиной, достал оттуда два прибора, или объекта, или изделия, не знаю, как и назвать… Я видел уже их на фото в “Драгуне”, но в жизни они оказались гораздо меньше, чем представлялось, при этом, видимо, сильно тяжелее и, чего говорить, красивые вещицы – мельница в виде двух усеченных конусов, сложенных основаниями, ну как чтобы кофе молоть, но из белого-белого металла, и пушечка из желтого металла – это просто подарочный вариант.

“Поглядите, подумайте… Может, сперва окреститесь, а потом уж…”

“Да-а, – сказал я, – страшное дело! Такая маленькая, а стреляет… Я слышу – палят от Бугримова”.

“О, Степан Арамович наш почетный клиент. Ему долгий путь, считай, уже обеспечен. Глендауэр его здесь смотрел, вот в этом кресле, говорит, лицензии такой пока нет, а то можно было бы гарантийную печать ставить уже лет на двести, это минимум. Что ж, если деньги есть и их не жалеть, и при этом жить в страхе Божьем, чего ж еще-то? Библейские люди без всяких пушечек кто триста, кто четыреста, а кто и семьсот годков небо коптили да Господа славили. А мы, грешные сыны цивилизации, так не можем, не дано, но с помощью пушечек и изничтожения механического нашей накипи, шлаков наших, может, и сравняемся с праотцами. Схороним недостойных, оставим их с миром в земле, а сами поглядим, чего будет, поживем и среди совсем новых людей…”

Вот честно говорю, захолонуло у меня внутри, поднялось что-то от живота в грудь, а потом к горлу – и страшно, и даже ужасно, и сладко до невозможности. Поплыло даже все перед глазами. И непонятно – как это?! И жутко интересно.

Я говорю: “Да-а, Максимильян Геннадьевич, это, конечно… но ведь… ну… давайте попробуем договориться… А-а… на сегодняшний день… сколько это потянет, скажем, в условных единицах?”

Он помолчал, как бы прикидывая, потом говорит: “Обе?”

“Ну да, обе… Тут ведь надо, видать, в комплекте?..”

“Обе-е…” – протянул Филимонов и стал писать на бумажке… медленно писал и что-то сильно длинное, но я этого и ожидал. Потом повернул бумажку и придвинул ко мне.

Страшное дело! Тут меня второй раз захолонуло. Вот такого я не ожидал. Он поглядел на меня и говорит: “Да-а, себестоимость вместе с опытами, испытанием, да и с этим гениальным нехристем солидная. Мы сами почти на краю. Таких людей, как Степан Арамович, раз, два и обчелся, а остальные, кто со средствами, такие грешники, что не в коня корм, мы с ними не

работаем… Но вам как постоянному клиенту, вставшему на путь… – он задумался и пожевал губами, – возьмем, да скинем… – он опять подумал, – пятнадцать процентов!”

Я вынул мобильник и быстро прикинул результат. Получилось все равно что-то страшное. Но даже эти пятнадцать процентов, которые улетают, тоже такая сумма, что некоторый соблазн есть.

“Окреститесь, подумайте, почитайте Библию, посоветуйтесь с батюшкой…”

“Да мы уже… советовались…”

“Не торопитесь, это дело НАДО-ОЛГО!” – сказал он значительно.

В этот момент вбежал блондин, взволнованный, и зашептал Филимонову на ухо.

“Эх! – крякнул Филимонов. – Опять запил гений, нехристь. Но вам повезло, вы еще успели! Извините, надо принять меры. Помощник вас проводит”.

Побежал к двери и уже от двери обернулся ко мне и указал на небо в окошке: “ПОДУ-УМАЙТЕ!”.

Часть вторая

Глава первая

Все как-то отодвинулось

Ведь я зачем пишу? А черт его знает, зачем я пишу, ведь вы ж все равно не поверите. Ну напишу, ну расскажу все, как было, ну издам за свой счет, дарить буду книжку, в магазинах будет лежать, кто-нибудь купит, откроет, читать станет и что? Все равно ж никто не поверит! А ведь так оно и было, так оно и разворачивалось вокруг меня. И во мне тоже!

Это у меня еще бабки есть! И я могу себе позволить и писать, и напечатать, и, может, даже презентацию устроить, хоть в Доме кино, хоть где. Да, я купил этот комплект “LW-16” за страшную сумму. И Зухра ЧЕТЫРНАДЦАТЬ сеансов сандалила мне зубы, а потом палила из пушки в сторону бугримовского берега. Да, у меня дырка в доходах, ладно! Но пока еще не в бюджете фирмы! Дело все-таки поставлено! И “Чайный лист” неожиданно так крутанулся, что запасы, слава Богу, не кончились. Где правильно вложено, там капает что положено. Но я про других думаю. Может, еще кому охота грехи из зубов выскрести и попробовать лет триста на всю катушку жарить на этом шарике, Господом созданном? А на какие шиши? То-то! Значит, получается, такое образовалось время, что это не Бог говорит, дескать – ты живи двести пятьдесят лет, а ты, например – четыреста двадцать, тебе хватит шестьдесят пять лет, и точка – отваливай, а тебя, скажем, не взыщи, испепелю прямо послезавтра, совсем ты зарапортовался и стал сволочью! Это раньше так было, в ТЕ времена, а теперь получается – ну, господа-товарищи, аукцион открывается, кто больше даст, тот и будет плясать до второго пришествия и сохранять мужскую силу без всяких пищевых добавок!

Да-а! Вот такие наши времена! Страшное дело!

Вот потому я и пишу! Потому и боюсь, что пишу я зря, не поверите вы мне никто. Ну и не надо! И не надо вам мое читать. Вы другое почитайте! Книгу “Бытие”! Слыхали? Да, да, из Библии! Слыхали? Ах, слыхали-и! Молодцы! А читали? И читали даже?! О-о-о! А ВНИМАТЕЛЬНО ЛИ ВЫ ЧИТАЛИ? Или ушами при этом хлопали? Или с тусовки пришли с мутными глазами и спьяну не тот кирпич с полки схватили? То-то и оно! Я знаю, что говорю.

А вы внимательно почитайте главу 6 из книги “Бытие”. Вот нарочно почитайте! Тогда ведь люди тоже думали, вот, мол, дело

пошло, народонаселение растет, можно жить весело, мы такие сильные, прямо исполины! А Бог поглядел на это и вот что пишет: “И ВОЗЗРЕЛ БОГ НА ЗЕМЛЮ, – И ВОТ ОНА РАСТЛЕННА: ИБО ВСЯКАЯ ПЛОТЬ ИЗВРАТИЛА ПУТЬ СВОЙ НА ЗЕМЛЕ. И СКАЗАЛ БОГ НОЮ: КОНЕЦ ВСЯКОЙ ПЛОТИ ПРИШЕЛ ПРЕД ЛИЦЕ МОЕ, ИБО ЗЕМЛЯ НАПОЛНИЛАСЬ ОТ НИХ ЗЛОДЕЯНИЯМИ, И ВОТ Я ИСТРЕБЛЮ ИХ С ЗЕМЛИ”.

И вот тогда и решил – всё! И устроил потоп. Но потопил не всех, при условии: будут жить сто двадцать лет, максимум! И так и есть, так и есть! Страшное дело! А между прочим, Ною, который спасся, было тогда уже ШЕСТЬСОТ. А после потопа он прожил еще ТРИСТА ПЯТЬДЕСЯТ! Итого – ДЕВЯТЬСОТ ПЯТЬДЕСЯТ лет! Факты, факты!

Понятно? И это все написано, и можно прочесть. И понять! А мы, понимаешь, все на горных лыжах катаемся да конкурентов мочим. Вот и получается!

Я и спрашиваю: я-то зачем пишу, если книгу “Бытие” люди внимательно прочесть не могут?!

Ладно, хватит ныть! Если сказал “А”, не жди , когда баран скажет: “Б-е-е-е!”, а сам продолжай. Вот я и продолжаю. Только не пугайтесь и не говорите: “Все врет!”. Не пугаю. И не вру.

Четырнадцать сеансов ходила ко мне Зухра, а на пятнадцатый не пришла. Я позвонил ей. Номер был отключен. Было первое июля. Я подумал, сама перезвонит, что-то случилось. И случилось.

Назавтра позвонил в восемь утра, даже раньше, восьми еще не было, Василий Глебович – это тот блондин, помощник с фирмы. Теперь он так солидно представился – меня зовут Василий Глебович, помните, я вас коньяком угощал, – и сказал, что Филимонов скоропостижно умер, похороны в субботу, пятого. Меня прямо дернуло – как, что, почему? Но блондин одно слово сказал – “тромб” и объяснил, где будет прощанье.

И я поехал. В 10 утра в больнице около Бауманских улиц. Было жарко. Человек сорок, может, пятьдесят, но не больше, ходили по двору с букетиками. Больше мужчины. Курили. Потом нас позвали, и мы вошли в очень тесное и душное помещение. Максимильян Геннадьевич лежал как живой. Знаете, некоторые в гробу совсем меняются, на себя не похожи, а Филимонов – вот как виделись с ним два месяца, нет, теперь уже получается три месяца назад, такой и теперь. Глаза закрыты, но кажется даже, что веки подрагивают, и что вот сейчас откроет он глаза и что-нибудь скажет.

Распоряжался всем блондин. Показывал, где кому стать, кому

говорить, куда букеты класть. Меня удивило, что непонятно было, а где родные, жена там, или дети, или кто? Никого таких, вроде бы, и не было. Была Зухра, совсем заплаканная. Стояла рядом с подругой. Подруга, как кукла Мальвина, – белые кудряшки, румяное лицо, синие глаза, как из пластика. Зухра смотрела строго прямо, мимо всех, а правой рукой все время прихватывала подругу за талию и прижимала к себе, но как бы сама этого не замечала. Марианна Викторовна тоже мелькнула, но там где-то, за спинами.

Говорили речи. Солидные люди говорили. Но опять как-то непонятно, как будто не туда я попал. Говорили, какой Филимонов был способный математик, кем он мог бы стать, как он руководил лабораторией. Какой лабораторией, той, что ли, где они мельницу испытывали? Но об этом никто даже не заикался. Речь шла про начало девяностых, то есть про старые времена, говорили, что он был ученый от Бога, про какой-то “трагический перелом”. В это время вошел человек с неимоверным букетом ярко-красных роз – их было штук сто, не меньше, он их держал, обняв двумя руками, как бочку. Пристроить их было некуда, и он так и стоял, сказал только блондину: “От Бугримова, просил передать”.

А Филимонов все лежал, веки подрагивали, но глаза не открывались. Наверное, это казалось. Было очень жарко. Я подумал, что его, наверное, надо в церкви отпевать. Но это, видать, уже было раньше или будет позже, так, видимо, положено. Но главное, что стукнуло у меня в голове, – это как же так, ведь Филимонов наладился на длинную жизнь и пить бросил, и грехи ему вычищали, значит, как должно быть? Все должно быть нормально, так? А тут – ТРОМБ! И всё, и на сторону. Так тогда что это все значит?

Хотел спросить у Зухры или у блондина, что дальше будет по нашей линии, но, с одной стороны, неудобно, вроде, не время, а с другой стороны… у меня в голове все как-то прокисло и затуманилось.

Гроб стали выносить, и я ушел. На кладбище не поехал.

Я к ним в офис заглянул дней через десять только, а то много дел было на фирме. Поднялся на шестой этаж и сразу заметил: тут все переменилось. Таблички “LW-16” на дверях уже не было, и вся обстановка в приемной какая-то другая. Секретарша сидела на месте, но уже не предлагала ни коньяку, ни фруктов. Сказала, что ничего не знает и чтоб я позвонил Василию Глебовичу. А этот Василий Глебович тут как раз и пришел. Серьезный, скулы поджаты. Вошли мы с ним в кабинет (кстати, крест на дверях как

был, так и остался). Мебель всю переставили – где был диван, там стол, где был стол – там диван. Зубное кресло вообще исчезло.

Он сам первый начал говорить: “Видите ли, мы перепрофилируемся. Максимильян Геннадьевич немного превысил свои возможности. Сейчас работает ликвидационная комиссия. Но, насколько я знаю, у вас к нам никаких материальных претензий быть не должно. Или я ошибаюсь?”

“Ошибаетесь, – говорю. – У нас ведь договор длящийся, использовать купленную у вас аппаратуру я могу только при наличии поставок необходимых материалов”.

“Что вы имеете в виду?”

“А вы не догадываетесь? Ампула с составом для основной чистки и эта специальная гильза, в которой порошок отстреливается из пушки. Все это привозила каждый раз ваша сотрудница – Зухра, а она получала от Филимонова, а Филимонов получал из Цинциннати. А теперь Зухра не объявляется, сеансы прекратились. Как это понимать?”

“А так и понимать, что форсмажорное обстоятельство – смерть!”

Крепкий парень, глаза непробиваемые. Но я тоже не вчера родился и таких крепких парней навидался достаточно.

Я ему и говорю: “Ты, Вася, поторопился маленько. Форсмажоры так с кондачка не определяют. Сорок дней еще не прошло, и душа Максимильяна Геннадьевича еще в этом кабинете, а ты уж и мебель перетасовал, и фирму ликвидировал. А за фирмой-то люди стоят, и люди стоящие… Бугримов, например, и я, например…”.

А он говорит: “У нас с вами не аккордный договор и без указания срока. Возобновляемое одноразовое обслуживание с одноразовой оплатой. Фактически, сколько визитов, столько и договоров”.

Я говорю: “Ты зря, Василий, рога выставляешь. Зачем? По рогам и получить можно запросто. Ты вот говоришь, что договор без срока, но речь-то в нем как раз про большие срока€, очень большие срока€. А ты их нарушить собираешься. Нехорошо! И с Филимоновым еще надо вглядеться – он ведь тоже себя надолго программировал, а тут вдруг тромб. Что за тромб? Откуда это? Надо вглядеться еще в этот тромб, историю болезни поднять, поговорить, а может, и покойника потревожить, а? И то, что это – тромб, и все, и форсмажор… Надо прояснить…”

Вижу, ага! – погасли у него в глазах такие серые лампочки, вроде, он призадумался, но скулы все равно как две гантели… Упрямый…

Я говорю: “Из Цинциннати что пишут? Вы же, вроде,

совместное предприятие… Как они там… реагируют?”

Он опустил глаза и пожевал губами. Потом говорит: “У нас сложное положение. Все контакты с Америкой Максимильян Геннадьевич вел исключительно сам. Он никого к этому не подпускал кроме Марианны Викторовны как переводчика. Мы вскрыли сейф в присутствии адвоката и милиции, но там не было ни одной бумаги по Цинциннати”.

“А дома у него?”

“А дома у него вообще пустота. Все прибрано, все чисто… аквариумы стоят… и никаких документов. Мы даже телефон этот цинциннатского института через Интернет искали, а то он всегда звонил сам, а книжку его записную тоже не нашли”.

“Да-а, задачка… А что у него родных никого нет, что ли?”

Блондин мелко помотал головой, что, дескать, никого.

“Как это так может быть?”

Блондин, не подымая глаз, пожал плечами.

“А этот… Глендауэр, стоматолог… он что говорит?”

“Глендауэр в клинике, там, у них… Его лечат сном”.

“Так, понятно… То есть ничего не понятно… А вы куда перепрофилируетесь, Василий Глебович, в какую сторону?”

“Ну, консалтинговая компания по созданию и организации медицинских центров. Опыт довольно большой накоплен”.

Ладно. На том и расстались. Он еще на прощание говорит: “Всего хорошего!”. А я сказал: “Да и вам желаю! Думаю, Василий, мы не совсем разбегаемся, сведут еще дороги. Какие наши ГОДЫ??” – с ударением таким сказал и с большим вопросительным знаком.

Зухре я все-таки дозвонился и даже заехал к ней на квартиру. Но визит был зряшный. Подруга, Мальвина, сидела в гостиной перед телевизором, а Зухра обед готовила, разговаривали в кухне. Она сказала, что ничего не знает, что ее с фирмы уволили, а фирма закрыта, что с Филимоновым на фирме было хорошо и что видела его за два дня до смерти, и был он, как всегда, абсолютно здоров и в веселом настроении. Я спросил, а что в принципе с нашими сеансами, она ответила, что нет материалов, а где их достают, знал только Филимонов, и что теперь она пойдет работать в коммерческую поликлинику. Я и ушел.

И вот вдруг – я откровенно говорю, с полным доверием, хоть думайте про это что хотите, – вдруг с меня как будто соскочила какая-то корка, или пленка какая-то лопнула, в которой я был завернут. Я неожиданно сообразил, что последние полгода (даже больше, чем полгода!) жил я в жутком напряжении. Я даже

удивился, как вообще мог я все это выдерживать? Я ведь почти ни с кем не общался, только если по делу, водку почти не пил, в теннис играть бросил, в нашу шикарную баню не заглядывал, никуда не ездил (у нас же регулярно сеансы шли, нельзя было пропускать!), мало того, я полгода баб не видел! Вот это да! Это получается, я, как заговоренный, готовился к будущей жизни, а ЭТОЙ жизни как будто и не стало. Какая это жизнь?! А время-то утекает.

Заметался я по дому. Слова не с кем сказать, Таню с младшим отправил в Италию на лето, старший вообще черт его знает где. Открыл бар. Выпил виски со льдом, потом джину, потом ликеру “Куантро”, а потом водкой запил, но не захмелел совсем, внутри такой злой мотор работает, и только пот со лба катится. Схватил почту вчерашнюю – пачка целая всяких рекламок, заманок и конвертов с приглашениями. Все это время я их кучей в мусор кидал, не глядя, а тут поглядел. Ничего, смотри ты, еще не забыли – разные фестивали, балы, открытия, закрытия, везде зовут, страшное дело! Вот отец Склифосовский говорит: “Суета сует!”, ну, да, суета, а как же иначе-то? Я к нему ходил на исповедь, а исповедоваться-то и не в чем. Думаю, чего б такого придумать, в чем я грешен, а я ни в чем и не грешен, и говорить нам не о чем. Во как! Страшное дело!

И тут звонок – Веста звонит, дизайнерша. Она мне много раз звонила, все хотела заехать, три тысячи отдать, но я ее так мягко отшивал, не до нее было. А на этот раз говорю – приезжай, сейчас за тобой мой шофер заедет и привезет тебя сюда, только давай сразу, не тяни! Время было часа четыре дня, я глянул в одно приглашение – точняк, на сегодня, какое-то открытие в атриуме на площади Коммуны, прием, фуршет, съезд гостей… нормально! В 20.30! Нормально. Еще успею ее здесь пригвоздить, а потом – в атриум!

Глава вторая

Было открытие

Во мне все горело. Весту я месяца три не видел, забыл, а теперь так ясно вспомнил всю, с ее глазами, ногами, волосами. Все вспомнил и понял – хочу. Я опять метался по дому и на часы смотрел – долго, долго едут, пробки, наверное, но не мое дело, давай, Андрюша, вези ее, твоя работа! А моя впереди, эх, сколько времени пропущено! Бросил в топку еще пару рюмок и закусил только маслинкой. Схватил ледяную бутылку пива, уже открыл и сам себе сказал: стоп, перегрузишь! Кровь в голове стучала, но хмеля не было – удивительное дело, не было хмеля! Я встал под душ – охолодиться, растерся полотенцем, побрился. Я бегал в трусах по дому, и трусы мои прямо распирало.

В десять минут шестого увидел – ворота открываются. Веста вошла – вот точно как я ее представлял. Белое платье такое легкое колокольчиком, как накидочка, а под ним почти ничего. Оно с нее слетело, как с одуванчика. Веста как-то затанцевала на одном месте в моих руках и только чего-то вскрикивала, показывая зубы: “Миленький! Ой, миленький! Я знала! Вот, миленький… что же ты… я же давно…”.

О-ох, как хорошо началось… пошло… но тут же все и кончилось. Э-эх, перегорел я, переждал, перепостился, э-эх! Мы лежали на широкой кровати, она дышала прерывисто и все вскрикивала тихонько: “Хорошо, хорошо, все хорошо, я знала, миленький, отдохни, сейчас, сейчас все будет, я знала…” – и водила по мне пальцами.

Мы час еще не одевались. Лежали, вставали, пили шампанское, опять бежали в спальню, пробовали так и этак, что-то получалось, она даже кричала: “Вот, вот!”. Но нет, что-то не то. Не как раньше. Я обозлился на нее, а потом испугался – может, я не мужик уже? Ни хрена себе! А если так, впустую, теперь шкандыбать лет триста?! Страшное дело! Но тут, как я с этой точки про триста лет подумал, стало мне смешно, и я успокоился. “Одевайся, – говорю, – едем на площадь Коммуны! Может, там растанцуемся”.

Смокинг я года два, наверное, не надевал, а тут надел, со всеми причиндалами. Глянул на себя в зеркало – ничего, терпеть можно, а можно и позавидовать. Чем же я столько времени занимался, когда жизнь – вот она, хватай, клади в карман. Тут и Веста подошла, одетая и слегка подкрашенная, очень эффектная.

Мы стояли перед большим зеркалом, она в белом, я в черном, и смотрели друг на друга через зеркало.

“Слышь, Веста, я заколдованный, – сказал я. – Если сумеешь меня расколдовать, озолочу”.

“Конечно, расколдую”, – сказала она.

Она положила ладонь мне на лоб и медленно, крепко повела по лицу, по шее, по груди, животу, придавила между ног, потом повела по ногам до лодыжек. Присела на корточки, обняв мои ноги и уткнувшись головой в колени. Подняла голову и сказала: “Все! Расколдовала!”.

Мы пели всю дорогу! В машине у меня диск есть – песни прошлых лет. Обожаю! Они поют, а мы с Вестой подпеваем, в голос, прямо на крик – “Прощай, любимый город”, “Подмосковные вечера”, “Цыганка-молдаванка”. Веста прыгала на сиденьи, хлопала в ладоши, вертелась, валилась мне на колени. И я опять на нее раздухарился… какая-то она вся… своя… поверить трудно, я ж ее второй раз в жизни вижу.

Приехали на площадь Коммуны – ё-моё! Полутемно. Толпа! Бал! Все в смокингах. А еще ходят во фраках, в цилиндрах под ручку с женщинами в старинных прическах, в длинных платьях. Это значит, как бы мы двести лет назад. Массовка такая. Буфет на уровне – горячее, холодное, отдельно японский прилавок, отдельно французский – фуа-гра там, чего хочешь.. Я сразу принял пару рюмок, хорошо пошло! Идем с Вестой мимо кого-то, мимо чего-то – все мелькает, полутемно, зайчики бегают по потолку, и такая заунывная классическая музыка, но с некоторым драйвом, с дерганьем таким. Живой оркестр играет – одни бабы с голыми плечами и дирижерша со скрипкой. И вот мы идем, и я думаю, чего я в смокинге не хожу – хорошее такое самочувствие, и Веста около меня, вроде, на месте – идет, как пришитая. Вокруг гул, голоса – бур-бур-бур, чокаются, жуют и живая музыка… Знакомых – никого, чужие рожи… И еще эти, с наклеенными усами, в цилиндрах, прохаживаются – снимают свои цилиндры, кланяются так, с оттягом и обязательно говорят: “Поздравляю с открытием!”. Каким открытием, чего открытием, черт его знает, я билет-то посмотрел, но не особо вник. Что-то вроде – “Объединение сетей мобильных операторов по обслуживанию мелкотоварных бирж” или что-то в этом роде. Вот так мы идем, как будто в аквариуме плывем, и мимо нас тоже проплывают… под музыку.

И тут вдруг шарах! Огонь побежал по наклонной проволоке через весь зал снизу вверх, вдарил в большой синий шар, шар взорвался, и тогда вспыхнул весь свет, и грохнул теперь уже военный оркестр с трубами и саксофонами. Ё-моё! Человек

пятьсот да официантов сотня. И все застыли от этого удара, от этого света, никто не шевелится, как в музее восковых фигур (я был в Лондоне – видел!). Мы стоим тоже неподвижно, но со мной чего-то происходит. Мне как будто глаза поменяли… или протерли их: я вижу – ё-моё! – да я тут каждого второго знаю, просто давно не виделись, но знаю, кого в лицо, кого по имени, кого по блядкам, кого по толковищам – да все знакомые, только в смокингах. В темноте я их не признал, а теперь… Один с широкой мордой, с купатой на вилке, имени не помню, орет сквозь оркестр: “Здорово! С открытием!”. Ну, я соответственно: “И тебя с открытием!”. Справа в ухо кто-то клюнул: “Чего тебя не видно давно?”. Обернулся: “А-а! Витёк! Привет! Познакомься, это Веста”. – “Понял. С открытием!” – “Ага! И тебя!” Говорко идет с рюмкой и с брюнеткой: “Чего-то ты растолстел. Как дела? Чего баню забросил?” – “На себя в зеркало погляди… растолстел… может, и приду в пятницу, готовьте пар…” – “С открытием!” – “С открытием!” И еще… идут и идут – приятели, и гады, и разные председатели, члены комиссий, завотделами, кому по десять раз взятки давал, через кого каждую мелочь прошибал… “С открытием!” – “Давно тебя не видать! С открытием!”

Веста тоже не теряется, здоровается, руку протягивает, но четко держится меня, не отлипает. Ё-ёёё! – Горелик! Собственной персоной, но в смокинге. Хотя смокинг на нем какой-то… не свой… либо напрокат взял в театре, либо похудел Горелик. Помолчали мы с ним под духовой вальс, глядя друг на друга, и у него в глазах мелькал то испуг, то злость. А потом опустил он глаза, я его переглядел.

“С открытием, – говорю, – Максим! Ходишь, смотрю, по мероприятиям?!”

“А ты думал, на тебе и вся жизнь кончается?”

“Как дела?”

“Не жалуюсь”.

“Ладно, потом… тема есть… Это Веста”.

“Здравствуйте, Максим Яковлевич!” – это моя-то, вся в белом, дама говорит ему “Максим Яковлевич” и тянет ручку.

И он двумя руками ее ручку хватает, трясет головой и со значением говорит: “Добрый вечер! Добрый вечер! С открытием!”.

Я говорю: “О-о, старые знакомые?”. А Веста: “Мы с Максимом Яковлевичем у подруги моего двоюродного брата познакомились, на дне рождения. Как ваша мама, Максим Яковлевич, как сейчас Лидия Исааковна, она поправилась? Передайте ей от меня большой привет”.

Я повертел головой – на нее, на него, – и говорю Горелику: “Позвони мне через пару дней… тема есть… Пойдем, Веста,

съесть чего-нибудь надо!”.

Идем, едим, выпиваем. А время тоже идет. Я все жду, когда начнется-то? Открытие открытием, но САМО что-то должно быть, не только же… это самое… Лотерею начали разыгрывать. Актер этот… который всегда длинных таких играет, с усиками, тоже во фраке и в цилиндре, выкликает цифры, шутки засаживает (никто не смеется), вручает призы, попугаев резиновых, штопор в виде Пушкина (или наоборот?). Опять бабский оркестр заиграл. А пятьсот смокингов все ходят, ходят, чокаются и поздравляют друг друга с открытием. Я думаю, дальше-то что? Я же хочу расслабиться, хочу скинуть с себя гипноз, который меня полгода держал, выбросить из головы и лесбиянку Зухру с ее зубочисткой, и “Драгуна”, и алкоголика Глендауэра, и мёртвого Филимонова…. Стоп! Вот это не могу! У меня перед глазами, как он лежит там в духоте, собирается моргнуть и никак не может. Ну, так будет тут чего-нибудь или так все и будет? А Веста рядом, мелким шагом, головкой вертит и, замечаю, еще со многими здоровается, и с ней здороваются, ручкой машут! И опять: “С открытием!”.

Шпах-х! Опять большой свет погасили, и зайчики задвигались по стенам, по потолку. Официант подходит, в ухо говорит: “Вас приглашают в шатер, мужской ВИП-фуршет”, – и рукой показывает. Ну, думаю, вот! Оставил я Весту, иду в соседний зал, там, правда, такой чум, что ли, из веток, высокий, метра четыре, и мне машут с порога, заходи, мол. Вхожу. И что? Опять те же рожи с бокалами, такая же стойка, бармен, только здесь водка с золотыми искрами и вино из паутинистых бутылок в сетках, очень старое, наверное. Ну, понятно, – ВИП он и есть ВИП. Только толку-то?! После двух часов выпивки и острой закуски, что старое, что новое, язык же не чувствует. Ну, выпил я, помотал головой из вежливости – да, дескать, это не хухры-мухры, – расцеловался с кем-то, не понял, с кем, и он, по-моему, не понял, он со всеми подряд целовался, видимо, хозяин шатра, и вышел я обратно в зал.

Танцуют. Ну, хоть это! Только замечаю, что танцуют-то не смокинги, а только эти, в цилиндрах, которые наняты. Время к часу ночи… и что?! Страшное дело! И тут я понимаю, что, понимаете, переменилось все. Может, постарели все, может, просто другие стали… Я же помню лет десять назад наши тусовки. Это же что было! Ну хулиганы, ну бандиты! Но это жизнь была.

В Питере, клуб “Антресоль”, он теперь закрылся, гуляли двое суток без перерыва, одни приходили, другие уходили, но наш костяк держался – тут же баня, 110 градусов, потом сон полчаса и

по новой, музыка, пляс, а потом вообще, рулетка с пистолетом. Небольшой зальчик, стол на двенадцать персон, и ставки от пятисот и выше, простая игра, как в очко. Кто выиграл – вышел, кто остался – за стол и крутят пистолет, на тебя показал – стреляйся! Страшное дело! Ну бандиты, ну сила! Правда, там не боевой заряд, и сидели все в бронежилетах, но все равно – это было, как.. вв-ухх! Или день рождения Вагифа, сорок лет было ему тогда… тоже… человек тысяча гуляла, ё-моё, чего творили… Там тоже посреди большого маленькое место, огороженное таким переплетом полупрозрачным, и внутри стол для ВИПов, одни мужики, там спецподача, тогда в новинку было, всякие лобстеры… И официантка, обалденная блондинка с губами, в абсолютной мини и в передничке, идет к столу такой развилистой походкой, несет на подносе эти щипцы разные для омара и начинает раскладывать, и нагнулась над столом. А Вагиф подходит к ней сзади – трян-с! – разорвал и юбку, и трусы, расстегнулся и вставил ей, и работает. А она стоит нагнувшись, продолжает сортировать эти щипцы, ножи и вилки. А мы сидим вокруг стола и ужинаем, и еще к полупрозрачной пленке морды прилипли – глазеют. Ё-моё! Вот хулиганы, ну сила! А еще на пароходе… нет, это и было на пароходе у Вагифа, на Днепре.

Кто тогда думал, сколько проживем? Всегда будем жить! Или к вечеру подохнем. Вот как было! А тут?.. Те же морды, я же их узнаю, но ходят туда-обратно под бабский вальс и только знают: “С открытием!”. Жуть. Я и не заметил, как все переменилось.

Хляп-с! Опять свет врубили. Длинный чего-то объявил, и заработала уже горячая группа, с электрогитарами, с ударником. А эти опять ходят с тарелками, с рюмками. Но тут уж некоторые пошли двигаться. И смотрю – ёёёё! – Веста моя с каким-то хмырем дергается. Блин! Я и забыл про нее! Ничего двигается. Даже очень ничего! Но только… я хочу, чтоб она для меня двигалась, а не…

…Стоп! Чувствую – все, она мне нужна и прямо сейчас. Иду к ним.

“Кончай прыжки, – говорю, – дома допрыгаешь!”

А хмырь: “Э-те-те!.. Так нельзя, ты не надо…”

Я говорю: “Надо! Очень надо! – и Весте: – Едешь или осталась насовсем?”

Она сразу – цоп! – и повисла на мне. Улыбается и хмырю машет ручкой: “Извините, Анатолий Борисович, уезжаем! Привет вашей сестре, Алле Борисовне!” Вв-о! Всех по имени и отчеству знает.

Я ее тащу на себе, одновременно вызываю по мобильнику своего Андрея, чтоб подавал машину, и мы гоним через пустой город, полтретьего ночи. За двадцать пять минут доехали. А

больше бы я и не дотерпел. В дом вбежали, и тут уж я… …Не-е-е-т! Я еще мужик! Ох, что было! Но и она баба! О-о-о-х! Сколько мне еще жить? Вот так бы! Да подольше!

Глава третья

И был между нами разговор

Я вернул Горелика на фирму. Я сказал ему – звони через пару дней, он не позвонил, гордость, видать. Я ему сам позвонил. Ясно же было, что он не то чтобы на мели, но спустился на много пунктов. И я ему кинул веревку – давай, подтяну тебя. Как всегда, он мудрил, ускользал, но понял, что у него шанс. И вот был первый разговор, и он вернулся на фирму – вторым лицом после меня. Я его поднял.

Теперь вопрос – зачем? А вот зачем: меня лихорадило. Буквально. До того, что руки тряслись и глаза бегали, никак нельзя было установить их определенно. Все время чувство, что опаздываешь, что вот сейчас все убегут, а ты останешься. С тех пор, как захлебнулась эта налаженная жизнь с Зубочисткой, с пушечкой, когда впереди было определено полторы сотни лет, я стал ловить вот эти полгода, которые я совсем пропустил. Надо было наладить связи, я же всех вокруг потерял, а для этого надо было тусоваться. А тусовка теперь, после всего, что было за полгода, казалась жутко скучной. И еще… Веста. Я с ней стал так… плотно жить, она меня сильно раздухарила… чего-то в ней было… особенное. И тут тоже надо признаться (я ведь честно говорю!) – я ее ревновать стал! Она ко мне как-то липла и в то же время выскальзывала. Иногда куда-то исчезала, и я тогда психовал. И опять же это чувство – опаздываю! Чего-то не сделаю, и уведут бабу.

Ну, и бизнес… Я вообще крепко себя ощущаю, ситуацию всегда в руках держу. Но несколько раз поймал себя – делаю, блин, ошибки. На ровном месте мажу. И еще усталость. Стал уставать. Вот и проблема. Хочу просто лежать, спать, а не могу – все трясется, – опаздываю, чего-то пропускаю. И сна нет.

По врачам пошел, а это такая трясина – время теряешь, нервы еще хуже, да и деньги страшенные. А деньги и вообще считать надо, а теперь, когда меня Максимильян Геннадьевич, царство ему небесное, так крепко вытряс, особенно.

Я вернул Горелика на фирму. Вообще народ у меня надежный, проверенный. Семь лет работаем, и текучесть почти нулевая. Но это ж все исполнители, я же сам должен все держать. А меня повело – я откровенно говорю. Мне надо догнать полгода. Надо отпустить себя! Как у меня отняли эти триста лет впереди, я все время в цейтноте. У меня нервы, у меня Веста, я ни от чего не

могу получить удовольствие, а при этом фирма, и надо все держать. Не буду темнить (решил все выкладывать, значит, так все и говорю!), тылы налажены: Копенгаген, Женева, Лондон – там у меня лежит что надо, и с правильной защитой. Это фирма так и сяк кое-чего варит через офшоры, а то, что личное, – только на солидной основе. Выше себя прыгать не хочу, а в свою меру я уже прыгнул. На жизнь хватит. На всю жизнь!

И вот опять жуткий вопрос – сколько ее будет, всей жизни? Если еще пара десятков и точка, тогда думать нечего – всё на месте, и кому надо останется. А если не пара десятков, а пара сотен годков, тогда что? Вот и думай! Можно все закрыть и уйти. Даже навар будет. Но я же видел, как это случается. Я в кругу! И круг этот вращается, и спрыгнуть нельзя. Страшное дело! Скорость невероятная. Я видел, как люди (серьезные люди!) спрыгивали, то есть отходили в сторону. По болезни или со страху. Спрыгивали с большим запасом. И, вроде, уцелели, и весь запас унесли, а ни хрена! Тут же все рушится, земля из-под тебя уходит на фиг. Либо каюк, то есть отдает концы, либо полный ноль. Полный! Страшное дело! Выпрыгивать из круга – это смерть. Точно!

Поэтому опять вилка – уйти нельзя, а уйти надо. И вот я решаю – Горелик! Я не ухожу, я отлучаюсь. И нужна замена. ВРЕМЕННАЯ! И опять – Горелик. Да, он меня пытался кинуть, но я его первый кинул. И крепко, он мою руку почуствовал. Но Макса Горелика я все-таки знал, когда еще шкетами были. И он умный. И этот еврей все равно лучше любого русского и татарина, и, особенно, любого поляка, с которыми я тоже дела имел. Горелик – это паровоз, а может быть, даже ракета! Он потянет. Вопрос только в том, чтобы поставить его на ограничители.

И вот я решил – Горелик! И я ему сказал: “Макс, крути машину! Ты здесь почти все знаешь. Почти! Остаток знаю только я. Это мой ядерный чемоданчик, понял? Нажму кнопку – все взлетит, и ты взлетишь. Но мне надо слинять. Понял? Не спеши понимать. Этого нельзя понять, пока я не скажу. Скажу только тебе. Нам нужен РАЗГОВОР! Настоящий, каких у нас не было никогда. Может, тридцать лет назад, но тогда было все другое. Говорить будем долго – два дня, не меньше. Здесь, в Москве, нельзя – все замусорено. За границу не хочу – будет отвлекать. Говорить будем в маленьком русском городе, где одна гостиница и где еще не слыхали, что перестройка началась. Понял? Уверен, что не понял, но ничего, догонишь! Может, машиной поедем, может, самолетом полетим – моя забота. Выспимся и будем го-во-рить! Потом напьемся, опять выспимся и снова будем го-во-рить! И тогда ты что-то поймёшь, и я тогда ПРОВЕРЮ, что ты понял. И

вот после этого вернемся на фирму, и я тебе скажу – рули!”.

Я видел, что он даже испугался, когда я это сказал – глаза у него стали, как у зайца, с обзором на триста шестьдесят градусов.

Поехали на машине. Надежные люди навели, связали и нацелили. Ехали часа четыре – дорога неважная, и останавливались два раза. Но места! До невозможности глухие. То, что надо. Даже удивляться приходится, что тут вообще хоть какая-то дорога есть.

Называть я этот городок не буду, пусть останется как есть. Он даже, кажется, ни на какую карту не попал. Вот пусть так и остается. Около 90 километров от Брянска.

Дорогой Горелик пытался начать разговор, но я говорил: “После! Время будет!”.

И мы опять ехали. Не молчали, конечно, перебрасывались словами, но не по делу, а так… наблюдения. То один скажет, что, мол, вот она, Россия-то! Нигде такой красоты нету, и все ж свое, все открыто для нас, и от Москвы-то рукой подать, а мы ничего не знаем, жарим по заграницам, а заграница нам в подметки не годится. Но тут же почти сразу: ё-моё! Все вокруг раздолбано, искорежено, засыпано… даже не поймешь, чем… деревни брошеные, поля брошеные, а люди, если встречаются, тоже какие-то… то ли их забыли, то ли они все забыли. Страшное дело! Да во всем мире такую дыру не найдешь! А там поворот, десять кочек, пыль до неба, вдруг… опять… ну, такое открывается, и конца ему нет, и, вроде, не дыра это, а само райское место, только людей в нем нет, да и хорошо – только появятся люди, все испортят.

Вот так и ехали. Городок тоже смурной. Большей частью рухлядь, но если с точки зрения красоты, то даже красиво. Сады, яблони… Гостиница называется “Авангард”. Это рядом колхоз такой был, вот они и построили. И люкс один есть – начальство ждали. Вот его я и забрал. Вполне ничего – коврички, дорожки, окошки чистенькие. И между прочим еда… очень даже вкусная, как домашняя. Это при том, что цены остались еще с прошлого века. И все в этой гостинице – ну, там, повара, дежурные, подавальщицы, уборщицы – все! – добрые люди, по глазам видно. Вот где бизнес делать, а? За милую душу! Что скажешь, то и будет! Только на чем бизнес-то? На чем его делать и кому продавать? Ничего нет, и денег ни у кого нет. Какой бизнес? Нет, тут правильно хотели – с такими людьми социализм надо было строить. И строили! И правильно! Только тоже ни хрена не построили, кроме этой гостиницы для начальства.

Но, в общем, что я хотел, то я и получил. Навели меня правильно. Мы на месте. Шоферу я сказал – езжай в Брянск, номер тебе в гостинице заказан, денег на двое суток дам, чтоб не

побирался. Телефон всегда имей при себе. Двое суток гуляй, на третьи жди. Позвоню – чтоб был под парами, двигай сюда. Горелика поселил отдельно – надо мной, выше этажом. Не апартамент, но прилично – кровать есть, и тумбочка есть. Он должен был понять из всего этого, зачем мы тряслись и подпрыгивали, а не полетели в Копенгаген, где у нас “Чайный лист” имеет и квартиру для приема, и где наши люди примут от самого аэропорта до места назначения и далее, не отлипая ни на минуту… то-то и дело! Не отлипая! И так везде. КРОМЕ! – гостиницы “Авангард”, номер 201-люкс, с подачей блюд прямо в гостиную.

Он должен был понять, что это разговор особый. Это длинный разговор. И я ему такое скажу, чего он ни от кого не услышит. Но и он должен себя наизнанку вывернуть. Если я его выбрал, то пусть ценит и знает, что он теперь мой со всеми потрохами.

Шофер уехал. Мы с дороги пообедали – хорошо! Борщ просто ослепительный. И овощи с грядки. Выпили крепко, но без перебора. Запили морсом – опять хорошим, клюквенным, и разошлись на пару часов – спать!

В восемь вечера я его позвал на ужин. Была пятница. И впереди еще суббота и воскресенье.

Чокнулись, и я его спросил: Горелик, откуда Веста знает Лидию Исааковну? Он говорит, что, вот, они познакомились в клубе, и она была у него, а мама, Лидия Исааковна, значит, болела, и вышла к ним, и то, и се, а Веста такая внимательная, все расспрашивает про болезни, обаяла старушку совсем… Я говорю: подожди, а у тебя-то она как оказалась? А он: ты, говорит, что? Не сечешь, что ли? Веста довольно известная блядь. Тут я ему первый раз дал в морду.

Если без подробностей, то была драка. Средней силы тяжести. Я ему накостылял. Но Горелик тоже не совсем слабак, я об шкаф ударился, кровянка была, около уха. Даже горничная в дверь всунулась. Глянула, испугалась, глазами захлопала. “Вам, – говорит, – ничего не надо?” Я говорю: “Нам надо, чтобы стучали, когда входят. Скажи там, чтоб еще котлеты принесли, как в обед были. Поняла? И йоду. Есть на этаже аптечка? Йоду! Поняла? Действуй!”.

Когда она ушла и мы отдышались, Горелик начал смеяться. Я говорю: “Ты чего?”. А он: “Вот ты меня за этим вез за четыреста километров?”. Я сказал: “Разговор впереди. Это так, разведка боем”. И он тогда пошел со своими улыбочками, ужимочками насчет того, что с любым третьим про Весту поговори, они тебе объяснят. Но я ему сказал: “Не нарывайся! Она вообще не

здешняя, она здесь меньше года, она из Таджикистана приехала". Ну, он и заюлил, что он меня всю жизнь знает, а теперь мне глаза заволокло, и что если зрение ослабло, то надо хоть слышать, что мне говорят, и что вообще он меня не узнает.

Тут я и сказал: "Во! Вот об этом и будет разговор. Может, это у тебя мозги задубели, потому ты меня не узнаешь. А мне надо, чтоб ты меня узнал". Мы чокнулись, и Горелик сказал: "Да ради Бога! Поверь, меня это не колышет абсолютно. Если у тебя так завертелось с Вестой, то мои лучшие пожелания, она действительно девка неординарная, неожиданная, но просто я хочу, чтобы ты помнил – я первый тебя предупредил, что она блядь".

И сразу же я ему во второй раз дал в морду. Опять мы сцепились, но были оба уже уставшие и от бокса скоро перешли к борьбе. И вышло довольно глупо – когда мы валяли друг друга по ковру, опять вошла эта горничная – принесла котлеты. И у нее от удивления и рот открылся, и глаза стали вертикальные – и стоит столбом в дверях с двумя тарелками в руках (тоже сервис называется, у них даже столика нет нормального на колесах, чтобы привезти питание!). А мы на ковре лежим и сопим. Не пацаны уже, дыхалка барахлит. Потом я поднялся и говорю: "Все! Давай вот что, как тебя, Поля… Клава, давай, принеси нам еще пару бутылок шампанского и коробку конфет, хороших – себе возьмешь, принеси это и потом больше не приходи. Чтоб я тебя сегодня на этаже не видел и не слышал. Чтоб тихо было! Поняла? Вечер окончен".

Утром я сказал Горелику: "Садись! Слушай!". И был разговор. Вернее, говорил я, а он первые полдня фактически молчал. Он только хватался за голову, ерзал, сползал с дивана, ну и, конечно, скалил зубы, закидывая голову, без этого он не может, ему все смех, а потом вообще бегал по гостиной, махая руками, кашлял, стонал, икал, пил воду стакан за стаканом и хрипел: "Подожди! Дай отдышаться!". Ну, я и давал ему отдышаться, а потом опять говорил.

Я не для того все это терпел, не для того привез его в этот сраный "Авангард" и не для того взял с него клятву насмерть, что он никогда никому не расскажет то, что услышал, не для того я все это сделал, чтоб теперь вам разболтать, о чем была речь. То есть частично вы в курсе. Раз дочитали до этого места, то основное направление вы знаете. Но одно дело направление, а другое дело все подробные детали и к каким выводам меня привело это направление. Вот пусть лучше это умрет со мной или пусть сдохнет вместе с Максом Гореликом, чем кто-то узнает, какой разговор у нас был в номере 201. Вот пусть оно тут и

замрет в этой комнате с неподъемным столом, с дубовым шкафом, у которого жутко острые углы, и с большой картиной над спинкой дивана, на которую я все смотрел, пока Горелик бегал по номеру и икал, а я, сжав зубы, не отрывал глаз от этой картины и читал одну и ту же крупную подпись: “Приезд товарища Буденного в совхоз “Адыгеец” на съезд представителей конезаводов юга европейской части СССР 8 марта 1938 года”. Так что с этим все – молчок! То, что вы знаете, то узнал и Горелик. А остальное – это знает только ночка темная (до которой мы с ним в ту субботу досидели) в номере 201 колхозной гостиницы “Авангард”.

Но, однако, мне нужно двинуть дальше мой рассказ, иначе зачем все затевалось? Поэтому пунктиром изложу течение моих поступков.

Остановились мы на том, что я занервничал и что врачи все как один оказались козлами. Ходил советоваться к отцу Борису (Склифосовскому), но это тоже не помогло, он говорил: постись и смирись! А я поститься не мог, потому что начал ходить по всяким тусовкам, какой тут пост?! А смириться… как тут можно смириться, когда люди друг из-под друга пол выдергивают? Когда в нашем поселке двоих застрелили, а в соседнем дом сожгли. Следствие пришло к выводу, что короткое замыкание, да вранье это – тоже все куплено, – но глаза-то у людей есть, и языки всем не отрежешь, ясное дело было – конкуренция, прищемили, месть и поджог. А которых застрелили, так об этом лучше вообще не начинать – там такой мрак… Так что отец Склифосовский прав – смирись! Но он же не в том смысле, что замочили, ну, и замочили, значит, было за что… Хотя… Вот опять – путаюсь! Не могу ясную линию поймать. И что главное – скука! Вот представляете, каждый день то на деньги кидают, то поджигают, то убивают, и при этом так скучно, что выть хочется. И тогда хватаю Весту, едем по всяким боям без правил, и еще это (страшное дело!), когда бабы в грязи дерутся, или на мюзикл какой, или опять презентация, но… не знаю, как сказать: НЕВОЗМОЖНАЯ СКУКА!

Подробности рассказывать не буду, но был день, когда явился в поселок мой старший – Ярослав. Он совсем отбился. Почти год мы толком не виделись. Как я его отмазал от армии, он сразу ушел в непонятную жизнь – то сборы (он был около команды по водному поло), то электрогитару купил, и они группой подались в Новокузнецк. Короче, эсэмэски присылал, редко звонил, денег просил, я давал. А потом вообще замолк. И вот явился. Что-то они затеяли, и у них пошло, а потом их кинули, а потом они его кинули, но теперь он поднимается, и его нужно подтолкнуть. Но

главное – смотрю и не узнаю. Совсем чужой человек. Прическа другая, бороденка какая-то, и вообще… И говорит он со мной не как с отцом, а как… я даже объяснить не могу. Он ведь даже не у меня денег просит, он ссуду в банке хочет взять под мою гарантию. Ну, вот чужой, непонятный человек. Ладно. Это наши личные дела. Не буду я об этом. Он даже ночевать не остался, сказал, что его ждут.

И вот ночь наступила. Веста двое суток как смылась, навещать тетку в Ясной Поляне, у нее этих теток, подруг, двоюродных сестер немерено по всему периметру. Лежу. Спать не могу. Думаю – с Ярославом мой грех? Точно, мой. Но ведь и его! Он же взрослый, соображать должен. Как же он так с отцом? Или это он от матери набрался? Я даже не знаю, они-то видятся или тоже нет? Все разладилось. И главное – вот честно говорю – налаживать-то мне НЕОХОТА! Потому что нельзя это наладить.

Лежу. В горле сухота. Глаза закрываю, а они сами открываются и смотрят. А смотреть не на что! Вот как Филимонов лежал там, в духоте, тоже у него глаза подергивались, не хотели быть закрытыми, но было уже поздно. И тогда ясно я подумал – надо кончать! Или так, или как-то иначе, но надо резко кончать… со всем этим. Либо мне каюк, либо надо другого времени дождаться. Из этого я выскочил.

А дальше вот что: я когда решение приму, иду уже напролом. Я рванул в журнал “Драгун”, говорю, вы меня заманили вашими публикациями, куда девался ваш отдел “Эзотерика”? Где ваш автор статьи Глендауэр? Где адрес фирмы в Цинциннати? Но они отмазались. Косая тетка с дрожащими руками тычет пальцем в страницу: “Этот отдел шел на правах рекламы, вы не обратили внимания – вот гриф в углу, мы не можем нести ответственность…”.

Ладно, мимо! Поехал к Зухре. Взял ее за горло. Нет, буквально, рукой ухватил ее тонкую шейку и, глаза в глаза, говорю: “Хочешь я тебя в тюрьму посажу? Это был обман? Ты чем мне зубы чистила? Зубным порошком? Я тебе отстегивал тысячи и тысячи – за что? Ты мне что обещала?”. Она хрипанула, и у нее уже глаза стали закатываться. Я ее отпустил. Она и говорит: “Нет, это правда, это все подтверждено. Максимилиан Геннадьевич был великий ученый, но его не понимали и завидовали ему, а потом убили”. Я говорю: “Вот как?! Ага! А что ж ты молчала, когда я у тебя в первый раз был? Что ж ты предала своего Максимилиана Геннадьевича?”. Тут у нее истерика началась, и она завизжала: “Потому что боюсь! Кто меня защитит, вы, что ли? Я ничего не знаю, я только догадываюсь. Но ампулы были оттуда, из Цинциннати. Что в них было, не знаю, но Филимонов проводил

анализы". Тогда и я крикнул: "Так где эти ампулы? Осталась у тебя хоть одна?" – "Нет, нет! – заверещала она. – Хоть убейте, я больше ничего не знаю".

И тогда нанес я визит на бывшую "LW-16". Я понимал, что это уже опасно. Блондин, скорее всего, бандит и, может быть, убийца. Но я все равно поехал к нему. Разговор был медленный и, можно сказать, вязкий. Я ему дал понять – что-то знаю! Но особо не нарывался. Я сказал: "Дай мне нитку, я за нее сам потяну. А ты крути свою новую катушку. А иначе может грубо выйти, есть разные механизмы". Короче: не в том суть, как мы качали эту качель, а в том суть, что блондин понял, что я упрямый и с какой-то стороны могу его прищемить. И тогда он решил кинуть мне кусок, чтобы я отстал. А мне того и надо! Он опять начал ныть, что Филимонов все замкнул на себя, а он – Вася – только исполнял поручения, и что после смерти хозяина он пытался наладить связи с Цинциннати и другими дочерними фирмами… Тут я – цоп! А где, говорю, другие дочерние фирмы? Что ж ты, Вася, так поздно вспомнил о них? Ну, он и полез в компьютер и нарыл – и данные по Глендауэру (адрес, телефон, e-mail, все, что надо) и координаты "LW-16" в Лондоне, в Копенгагене, в Барселоне и в Хайфе.

Вспомнил, а?! Хорош мальчик! Я зарычал на него, вырвал еще телефон и адрес этой Марианны Викторовны, синхронной переводчицы, и хлопнул дверью. Дальше нашел Марианну (это вообще отдельная история, она затаилась на даче, хотела обрезать все концы, тоже, видимо, со страха, значит, было чего бояться, но я ее нашел!) и привез к себе. И в пять вечера, когда там, во всем нормальном мире, еще утро или рабочий день, усадил ее за телефон.

Если надоело, то я в любой момент могу кончить, ради бога! Но, с одной стороны, это очень малая часть из того, что я рассказал тогда Горелику, а с другой стороны, это нужно знать, чтобы понять и поверить, как все потом обернулось. Я постараюсь вкратце.

Звонили в Америку. Я говорил ей, а она с ходу переводила. Все на чистом английском. И ни хрена! Глухо! Мистер Рейф болен, он в госпитале, институт временно закрыт, поставка реактивов прекращена, об их производстве ничего не знаем, точка! Вот так! Тут Вася не врал.

И звонили в Хайфу. Евреи юлят – фирма есть, но в связи с прекращением поставок они занимаются собственными разработками и "от растворения специфических зубных камней" (это точно так Марианна перевела) они перешли к поиску

“действенного средства в борьбе с циррозом печени”, и, если нас это интересует, можем вступить с ними в переговоры примерно через год.

В Копенгагене и в Лондоне “LW-16” существует (!). Но в Копенгагене телефон жестко стоит на ответчике: “Мы такие-то, оставьте сообщение” – и все. (И так и через два дня, и через неделю – Марианна при мне звонила и давала мне трубку – послушать.) В Лондоне вообще ни ответа, ни привета. Видимо, сменен номер.

А вот с Барселоной поговорили! Они, вроде бы, даже заинтересовались. “Да, да, конечно, растворение грехов очень серьезная проблема, российский рынок огромен, грехов необыкновенное количество (это она так перевела), но мы работаем пока на внутреннего потребителя, будет важно, если вы вступите с нами в контакт или нанесете прямой визит”. Есть! Есть зацепка.

И у меня есть, кто на языках говорит и кому можно поручить, но это чужие люди. Понимаете, когда речь опять пойдет не о баксах и не о еврах, а О ЖИЗНИ, О ДРУГИХ, вообще, ВРЕМЕНАХ, можно это доверить чужим людям? Нельзя!!

Я стал звонить Бугримову. У меня остался его номер еще с тех пор, как мы обсуждали водопользование по нашей речке. Я ему и раньше звонил – после похорон Филимонова, но всегда один ответ: “Дежурный слушает… Его нет… Степан Арамович в отъезде… Не знаю… Не могу вам сказать… Обязательно”. И все. Всегда одно и то же. И вот я опять звоню, и опять этот дежурный: “Слушаю… Его нет… Не знаю, не скоро… Он уплыл (!-?-?-!-???)… На своей яхте… А теперь есть… построили по его заказу… Нет, не по речке (смеется в трубку, смотри-ка, разговорился!). Она большая… океанская… Не могу вам сказать… Обязательно…” И ту-ту-ту в трубке.

Я сижу, как жабу проглотил. Вот оно! Уплыл! Страшное дело! Степан Арамович – это особый человек, это большой человек! Это что же значит? Когда лопнула вся история с пушечкой, когда все это посыпалось, он, стало быть, построил ОКЕАНСКУЮ яхту и уплыл?! Ё-моё! Он знал, что делал! И я вспомнил, что люди-то перед ПОТОПОМ тоже веселились, женились, гуляли, занимались ерундой, или, по-нашему говоря, тусовались, а потом… все накрылось, в один день! И остался только Ной с компанией на своем ковчеге. Ковчег-то это же и есть, по-нашему, – яхта! Ё-моё!

Дальше я пропускаю путаное время, когда я ни есть, ни пить не мог, а мозги у меня прыгали, как на лыжах с трамплина. И я был ОДИН. Вот полно людей вокруг, все вертится, дела идут,

звонки, документы, взятки, попойки, и я во всем участвую, и с женой была такая неразбериха, стали разводиться, и Ярослав со своей гитарой, и при всем этом я ОДИН. И НИКОГО! Может быть, только Веста. Но о ней особый разговор.

И тогда решил: яхту, конечно, я не потяну. Не представляю даже, с какой стороны за это взяться. Это ж нужна команда, капитан… И потом, океанская яхта – это ж не лодка, это ж пароход! Это не в моих возможностях. Нереально. И потом, куда на ней плыть, где пристать? Я ж ничего не знаю. Но плыть надо, я это понял. Отсюда надо уплывать! Надолго. Может, на время, не навсегда, там видно будет, но надо уплывать.

Узнал – есть хорошие круизы, можно взять классную каюту – апартамент. Это потяну, почему нет? Первый раз. Я же не жил, я только вкалывал и делал бабки, как заведенный. И вот я чувствую, что тут все на пределе и может рухнуть. Надо уплывать. Весту взять с собой, потому что одному бегать по апартаменту – тоже свихнешься. И взять с собой пушечку, и курс на Барселону, и там нанести визит в “LW-16”. И попробовать снова встать на эту дорогу длинной жизни, чтобы вытряхнулись из меня все грехи.

И вот для всего этого нужен Горелик. Я ж не могу прямо все бросить, и гори оно огнем, мне ж нужно за все платить, и все устроить, и кому доверишь? Значит, надо, чтобы я, какой я теперь, прямо переселился в Горелика, и он не был бы сволочью и не кинул меня, как в прошлый раз. И вот для этого нужен ОСОБЫЙ РАЗГОВОР. Поговорим, как никогда я ни с кем не говорил. А потом я уплыву.

Глава четвертая

Как я попал

Лучше всего были киты. После разных портов, магазинов, ресторанов, сувениров корабль три дня шел в океане. Берегов не было. А близко от нас тем же курсом справа и слева шли киты и пускали фонтаны из ноздрей. Это было так здорово, что глаз не оторвать. Их самих почти не видно. Только часть черной спины и фонтанчики. Вода была спокойная.

Вот тут самое время объяснить что-нибудь про Весту. Она была, как картинка из журнала. Даже из нескольких журналов, потому что она все время себя меняла. На каждой стоянке накупала разных шмоток и тут же их надевала – платья, накидки, купальники, шляпы, платки, какие-то размахаи. Волосы красила то в белый цвет, то в темный с серебром. И еще загар, солнце-то сильное на воде. Ну, совсем картинка! По вечерам мы иногда на танцы ходили. Я-то не особый любитель, а молодые козлы прямо как мухи вокруг нее.

Я ей когда сказал про круиз, она сразу зашлась: “Это моя мечта, всю жизнь об этом думала”. Я предупредил: “Едем надолго. Как тут будет твой дизайн?”. А она: “Трудно будет, еще не знаю, как все устрою, у нас большой заказ, но устрою, хочу море и хочу с тобой. Скажи мне еще раз, куда плывем?” Ну, я опять: “Копенгаген, Лондон, Исландия, Лиссабон, Гибралтар, Барселона”. Она на меня кидается, виснет: “Да, да, да! Именно! Вот это самое! И Лиссабон?! А когда, когда Лиссабон, скажи мне?!”.

И поехали. Сперва самолет, потом пароход, первый класс, апартамент. Денег я не жалел. Вообще она мне все время нравилась. Даже, пожалуй, больше и больше. И я думал, что хорошо бы иметь ее постоянно в каюте, а то она все выскальзывала. То работа, то она на курсы поступила, и постоянно еще тетушки, бабушки, двоюродные сестры – то в Белгород, то в Тулу, то даже к себе в Душанбе летала, в Таджикистан. Оттуда вернулась, а с ней ее троюродный брат – здоровый черный мужик с усами, неделю возле нее в Москве ошивался. Я звереть начал, говорю: “Э, слушай! Какой он тебе брат, он же явный таджик”, – а она: “Так ведь троюродный, это моя тетя Марина, когда развелась с первым мужем…”, и пошло! Я сказал: “Ладно, не части! Но только чтобы через сутки этого Махмуда возле тебя не было”. Ну, он и исчез.

Были странности. На тусовках к ней какие-то типы подползали: “А-а, привет! Как дела, давно не видать…”. Я спрашиваю: “Кто такой?!”. И начинается: “Это Лёвик, сын Веры Ивановны, мы познакомились в поезде, очень больная женщина, я за ней ухаживала, она мне дала адрес, я у них жила полмесяца, он мне как брат…”. Опять брат! Не нравилось мне все это, но думал – вот уплывем, и кончится путаница. Видать, характер такой. Но, на беду, на корабле у нее тоже нашлись знакомые – Маргарита, вся в серьгах и кольцах, Константин Ионович, старый пердун в белом костюме с галстуком, и с ними еще какие-то. И стали они ко мне в каюту лезть: “Не распить ли бутылочку вина, не хотите ли рыбки норвежской?”. Я терпел, а потом довольно грубо захлопнул дверь: “Ничего не хочу, времени нет, дела, готовлюсь к переговорам”. Ну, был у нас с ней скандал, и пару раз крепко приложил я ей по мордашке, не сдержался. Пошло на пользу. Синяки она кремом замазала и немного утихомирилась.

А корабль плывет. И идут справа и слева киты с фонтанчиками. Я ведь почему про китов… Не только потому, что красиво, а потому – у меня книга лежит. Отец Склифосовский мне сказал: “У тебя мозги сдвинуты. Купи Библию, почитай. Может, вправятся”. Я купил. Врать не буду, всю не прочел, книга большая, у меня времени столько нет. Но начало и там, где про Ноя и про потоп, – читал. И еще по оглавлению смотрел, что не особенно длинное. И вот там внутри большой книги малая – “Книга пророка Ионы”, всего несколько страниц, как по указанию Бога этого Иону проглотил кит, и он оттуда говорит: “За что?”. И умоляет: “Если возможно, забери меня отсюда обратно!”. Это ж надо такое придумать! Но книга-то святая! Отец Борис сказал: “Читай и не рассуждай! Там все настоящее, а то, что вокруг тебя и особенно внутри тебя, – все от лукавого. Я бы тебе сказал читать только Евангелие, остальное тебе не положено, но раз ты на потопе свихнулся, прости Господи, читай Ветхий завет, может, что-нибудь и поймешь”.

И я читаю про Иону внутри кита. И в это самое время плывет этот наш пароход, или ковчег, и я лично вижу, как идут рядом с нами киты и пускают фонтаны. Можете вы это понять? И представляете, меня начинает лихорадить внутри – а что, если они по мою душу плывут? Что им за радость просто так силы тратить? Страшное дело!

Но ладно. Это так, вроде сон. Или, может, я выпил лишнее. Я там, на корабле, большей частью пил в одиночку. Виски. Пил и писал эту самую повесть. Я именно на корабле начал писать, как что было.

Тогда совершенно реально я чувствовал, что в ближайшее

время рванет что-то и разнесет на фиг все вокруг – или только у нас, или вообще везде. И в этот момент лучше быть на плаву. И вины моей в том нету – я им всем сказал: “Чувствуете, что все напряглось до невозможности? Что вот-вот рванет?”. Жене бывшей, Татьяне, сказал еще до развода, Ярославу – сыну – сказал. Даже Горелику сказал, чтоб потом не обижался – вот такое дело будет, чувствуете? Нет, ни хрена они не чувствуют! И тут уж ничем не поможешь.

Свою линию я продумал целиком, от и до. Вот она, эта линия:

Мы с Вестой плывем круизом. Плывем долго, по всем портам, и я по дороге записываю, что было со мной и что у меня внутри. И приплываем в Барселону. Стоп! Весь пароход вытряхивается и летит чартером домой, в Москву. А мы с Вестой остаемся. У нас правильные визы, селимся в гостинице и живем неделю. Она шоппингует по магазинам, а я нахожу “LW-16” и добываю ампулы и патроны для пушечки. Повезет – я их имею, не повезет – ну, значит, не повезло! Но через неделю мы садимся на другой круиз, уже не с нашими, а сплошь с иностранцами, и идем на Индию, огибаем там все это… Таиланд, Гонконг и приходим в Японию. А дальше… Ну, в принципе, летим домой, но дальше я старался не думать. Видно будет. Мы уже будем другие люди, и вокруг все будет другое.

С Вестой на эти темы я не особенно откровенничал. Вообще, она всем хороша, но разговаривать с ней совершенно невозможно. Она же не дает рта открыть! Все время рассказывает про каких-то знакомых, у которых они делали дизайн, и у каждого была старенькая мама, и она с этой мамой так подружилась… И знакомых этих у нее бесконечное количество, всех она помнит. И говорит до одурения. И между прочим, я на нее, конечно, много тратил, но у нее и свои деньги были – кредитная карточка в полном порядке, мобильник на любую страну. Я же помню ту, первую встречу, когда она совсем на мели была, но это было давно. Спрашиваю: “Откуда у тебя?” – “О, мы очень много работали, вот оформляли дом у Слепяна Эрика Ефимовича, у него сестра, Бэла, красавица, веселая, только ноги больные, она мне как родная стала, так она сперва была замужем…” – И поехало, хоть уши затыкай.

И что надо заметить, она, пожалуй, больше меня звонила по своему мобильнику. Я изредка – на фирму, Горелику, проверить, как и что, а она везде имеет поручения и даже иногда по-английски кое-как балакает. У нее сотня поручений от всяких Эриков Ефимовичей и их сестер. В Лиссабоне ее в порту встречал какой-то тип, подарок приволок для Бэлы – здоровый пакет с португальскими целебными травами и пару бутылок настоящего

портвейна.

Ладно. Плывем. И вот наконец Барселона. Все идет по плану. Наша кодла выгрузилась, мы им помахали ручкой и сели в такси.

Мне заранее заказали приличный отель на авенидо Диагональ – у них улица такая. За окном парк, деревья, птицы поют. Веста тоже, как птица, прыгает – то на подоконник, то на балкон, то на кровать, в ладоши хлопает: “Ой, как здесь хорошо! Какой дизайн! Вот мы делали дачу…”. Дальше я уже не слушал.

Но вот что надо еще сказать. Вечером мы ужинали в ресторане, рядом с гостиницей. Веста, как всегда, говорит, а я, как всегдашнее, слушаю, смотрю по сторонам – интересно у них, ночь уже, около часа, а народ не то что закусывает, а прямо-таки жрет. Полно людей, компаниями и семьями, с маленькими детьми. И все громко разговаривают, смеются. И вдруг вижу – батюшки, через два стола от нас сидит эта Маргарита в кольцах и серьгах и тоже с кем-то разговаривает и жрет. Меня это как-то неприятно кольнуло – откуда? Они же все улетели. И тут – одновременно – и Маргарита меня заметила, и Веста увидела, куда я смотрю. Маргарита замахала руками, заулыбалась. Я спрашиваю у Весты: “Откуда она взялась?”. А она: “Ой, она же ленинградка, она осталась, потому что послезавтра есть прямой самолет на Петербург, а здесь у нее двоюродный брат…”. Ну, и опять пошло по родственной линии, я уже не вникал. Но почему-то испортилось у меня настроение, и я подумал – точно, в мои дела не буду я вмешивать Весту.

И вот на следующий день я говорю: “У меня тут дело есть, ты пока… это самое…”. Но я даже не договорил. Она сразу: “Ой, у меня тоже дело, меня просили… надо позвонить…”. Все, я больше не слушаю.

Спускаюсь в сервис-бюро, говорю: нужен интэрпрейт спаниш – раша, хев ю? Говорят: “Момент! – телефонят куда-то, опять: – Момент!”. И через час приходит Лева в очках, маленький, лысоватенький. Спрашиваю: “Откуда родом, Лева?”. “Из Харькова”, – говорит. “Ну, пошли. Вот адрес. Город-то знаешь, найдешь?”

И тронулись. В руке у меня мешочек – там пушечка и баллон от ампулы, которую Зухра пользовала для чистки. В кармане бумажник, в нем паспорт, кредитные карты, немного денег и еще карта гостя с ключом от номера. Шорты, сандалии, белая рубашка, белая кепка на голове и темные очки – всё”. День жаркий. Лева сказал – недалеко, идем пешком. Город, прямо на удивление, отличный. Ведь где только мы не были, сколько разных мест, и, вроде, ходили, а все мимо меня шло. А тут вгляделся, и очень мне все нравилось. Даже подумалось – вот,

каждый день тут буду ходить. А потом мелькнуло – да нет, не придется. Будто все знал заранее. И так мне было одновременно и хорошо, и грустно. За много времени впервые спокойно. Может, думаю, ничего больше и не надо. И Лёва мне этот понравился, в потертом костюме и блестящих ботинках. Я и сказал ему: “Куда спешить, Лева? Вон столики. Присядем пива выпить?”. Он плечами пожимает: “Можно”.

Сидим, пьем пиво, “сервезас” по-ихнему называется. Вспоминаем Харьков, я там тоже бывал. И при этом смотрю я по сторонам, и опять все мне нравится до невозможности – небо такое синее, крыши, а за спиной у Левы такая вроде поляна или парковая зона, – там вообще много парков, – и стоят удивительные деревья, ветки у них совсем горизонтальные и цвет мощно-зеленый. “Слушай, Лева, – говорю, – как эти ваши деревья называются?” Он обернулся, поглядел и говорит: “Сосны. Только это не наши сосны, а южные, пинии”. Ну я охнул! Сосны, смотрика, я не замечал. Наверное же, были перед глазами, а не замечал. Красивые. Опять пьем пиво, и я на пинии смотрю.

Спрашиваю: “Ты давно тут?”. Он говорит: “Семь лет уже”. – “Ну и как?” – “Живем, – говорит, – у меня жена, двое детей, мама…” Я говорю: “Ага…”, а сам думаю, – вот Весты нет, она бы сразу включилась, но, слава богу, ее нет, а я что ж… у каждого своя жизнь, ну, и будем жить каждый свою. “Еще по кружечке? Ты, может, поесть хочешь? Взять чего-нибудь?” – “Нет, нет, – говорит, – я сыт”. – “Ну, пошли”.

И вот дом. Шесть этажей. Надо же, точно как в Москве. И много табличек. И вижу такую – ну, точно как в Москве – “LW-16”. Надо же, это у них фирменная, значит, табличка – и размер, и шрифт. Контора на втором этаже (по-ихнему – на первом). Входим. Офис как офис. Тесновато.

Я говорю: “Спроси, Лева, сеньора Риккардо”, – это с кем мы по телефону из Москвы говорили.

Отвечают: “Он в отсутствии. У вас какое к нему дело?”.

Открываю я мешочек и достаю пушечку и баллончик, выкладываю на стол. Мордатый испанец с усиками зыркает глазами на меня, на предметы, на Леву. “В чем, – говорит, – ваша проблема?”

Я объясняю, а Лёва переводит, что мы звонили, говорили с Риккардо, что Филимонов умер, и теперь нужны патроны для пушечки и ампулы.

Усатый говорит: “Риккардо нету. Вы говорите, что вы из Москвы? Это интересно. Позвольте, я это покажу нашему специалисту. Один момент!” – забирает он пушечку и баллон и уходит вовнутрь офиса, за занавеску. И минут пять его нет. Потом

появляется с пустыми руками.

“Наш специалист должен проконсультироваться. Это займет, может быть, десять минут, может быть, пятнадцать. Позвольте предложить вам кофе? Сейчас принесут”.

Я у Лёвы спрашиваю: “Ну что, выпьем кофе?”.

Он опять плечами пожимает: “Можно”.

Принесли кофе. Пьем. Я спрашиваю усатого: “Вы поддерживаете контакты с другими отделениями “LW-16”, скажем, в Лондоне, в Израиле? А то у нас, в Москве, фирма закрылась, и из Цинциннати присылали эти патрончики, а потом перестали. Вы самого Рейфа Глендауэра знаете?”.

Усатый как-то неопределенно потряхивает головой и что-то невнятное мычит.

Я говорю: “Мы с Глендауэром виделись в Москве, и, вроде, была полная договоренность о поставках. А потом он заболел. Вы в курсе?”.

Он мычит: “Да-а, заболел… Риккардо тоже заболел… Сейчас наш специалист все выяснит. Еще кофе не хотите? Может быть, капучино? – опять скрывается за занавеской, и опять появляется: “Еще пять минут, не больше. Наш специалист поймет вашу проблему”.

Я говорю: “Да какая проблема? Если вы этим занимаетесь, то у вас, может быть, есть запас? Я оплачу. Я специально за этим приехал. Риккардо нам сказал, что вы продолжаете работать на внутреннем рынке”.

Усатый говорит: “Мы все работаем, но наш специалист должен понять систему…”

И вдруг я понимаю, что он все врет.

У него бегают глаза. У него руки все время двигаются. И, понимаете, мне становится страшно. Сразу, в одну минуту, у меня такой холод в груди и звон в голове. Умом я понимаю – ну, чего такого? – а по всему телу острые иголочки. И что интересно, я тут в один момент вспомнил Плейшнера. Это в детстве, мне лет двенадцать было, я смотрел по телеку “Семнадцать мгновений весны”, и там самая страшная сцена, когда профессор Плейшнер, его Евстигнеев играл, идет на явку с поручением, и все спокойно – это же заграница, войны там нет, тихо, красиво, а на самом-то деле там, на явке, людей подменили, и это уже фашисты, и он идет своей походочкой прямо к ним в пасть. Я помню, как у меня сердце билось, когда я смотрел. Хотелось крикнуть в телевизор: “Стой! Не ходи туда!”. А он идет и ничего не замечает. Страшное дело! И вот теперь у меня в одну секунду такое чувство, что это я – Плейшнер, а мордатый с усиками – фашист и что я… попал!

И еще я подумал, что испанец этот как-то странно посмотрел

на пушечку, когда я вынул ее из мешка. Она необычная, конечно, но я считал, что они этим же самым занимаются. Вспомнил, как границу проходили при посадке на круиз. Меня Горелик тогда предупреждал: “Смотри, нарвешься”. Но я был тогда веселый. И потом, когда хорошие бабки в кармане и кругом свои люди, все получается. Меня еще спросила таможенница: а это что? Я и говорю: разве не видно? Игрушка детская, в подарок везу. И все, и весь разговор!

А здесь… Я чувствую, у меня руки холодные стали. Хотел допить кофе… не могу, губы трясутся. Думаю, что за черт, чего я так сдрейфил? Все нормально, и я не шпион, и он не шпион, деловая встреча, да – да, нет – нет, и разойдемся каждый в свою сторону. А где-то в темени такая стягивающая точка, и из нее идет сигнал – не разойдемся! Всё, попал!

Я ставлю недопитую чашку на блюдце (со стуком ставлю – хотел осторожно, а получилось со стуком) и говорю переводчику: “Лева, пойдем отсюда. Скажи, чтоб вернул вещи, и давай прощаться”.

Усатый разводит руками и быстро блекочет. Лева переводит: “Специалист должен закончить, чтобы дать заключение”.

Тогда я встаю (ноги почему-то ослабли, отсидел, что ли?) и говорю твердо: “Больше не имею времени! Скажи ему. Пусть отдаст вещи. Зайдем в другой раз”.

Я так это сказал, что испанец, вижу, испугался.

“Как угодно… Если сеньор настаивает… Мы хотели проверить…”

“Настаиваю, настаиваю! Лёва, скажи ему, времени нету”.

Испанец обижается, разводит руками и идет за занавеску и там, слышу, на кого-то тихо кричит. На специалиста, наверное. Уже не просто мандраж, меня всего наполняет ужас. В горле пересохло. И я думаю только одно – скорее уйти отсюда. И я говорю: “Лева, я после зайду за этими… Уходим!”.

Но усатый выходит из-за занавески, и в руках у него пушка и баллончик. И я сразу как-то обмяк. Думаю, чего испугался-то? Тоже мне, Евстигнеев! Вот он все вынес. Смотрит на меня, правда, довольно злобно, а мне, наоборот, теперь расцеловать его хочется. Потому что все в порядке! И я, даже не особенно торопясь, беру пушечку и начинаю укладывать в мешок. И говорю испанцу: “Айм сори”. После жуткого напряжения я расслабляюсь.

А зря!

В этот момент во входную дверь вваливаются человек пять – двое полицейских, остальные в штатском – и перекрывают мне дорогу. И вот, я запомнил, маленький Лева, вообще-то очень загорелый, становится белым на лицо, а лысинка его, мне сверху

видно, становится, наоборот, красной.

Надо записывать, а то свихнешься

19-е, четверг.

Мне красный цвет вообще не нравится. Не люблю. У меня машина была красная, “опель”, – не нравилась. Я ее продал. И женщина когда в красном платье, тоже неприятно. А этот дом весь из красного кирпича. Темно-красного. И во дворе все стены, когда гуляем, темно-красные. А внутри перегородки синие. И двери синие. Все синие – по всему коридору. Сейчас я уже стал привыкать, а первые дни очень раздражало.

Я тогда первое время вообще ничего не мог понять. Мне Лева втолковывал, а до меня не доходило. А потом и на Леву надели наручники. Мне его жутко жалко было, он и так-то маленький, а тут совсем скорежился. Но на допросах был уже другой переводчик, Леву отстранили. И еще приходил несколько раз из нашего консульства, он мне кое-чего объяснил. Они ведь мне стали клеить связь с террористической сетью. Из этой пушечки, оказывается, можно пулять очень нехорошие заряды. А у них недавно были теракты, и потому полиция на особом режиме и паникует.

Но как все вышло-то! Надо по порядку. В этом поганом офисе чем-то они не тем занимались, и потому Риккардо, с которым мы говорили по телефону, и его штат – замели, поставили своих людей – ждать сообщников. А тут мы с Левой явились. Скажете, совпадение? Ну, отчасти, совпадение. Но не может так быть, чтоб все совпало! Ведь вспоминаю тот день и каждый раз за голову хватаюсь.

В участке они мне что-то наговорили и стали рассматривать мои документы. Причем паспорт, деньги, кредитные карты – это их не интересовало, они влипли в мой гостиничный пропуск. И тычут в него, и руками машут, и орут друг на друга. Потом пришел переводчик, другой, не Лева. Тогда они стали заполнять анкету – имя, фамилия, где живу… Я говорю: “У вас же все мои документы. Пусть объяснят, в чем дело-то! Они за кого меня приняли?”. Они достают мою пушечку и баллончик. Спрашивают, есть у меня заряды к этим приспособлениям? Я даже смеюсь, говорю: “Я сюда приехал за “зарядами”, нет у меня ничего. Найдите вашего Риккардо, он подтвердит. И вызовите представителя из Российского консульства, я без него ничего объяснять не буду”.

После этого старший очень долго что-то говорил, а

переводчик все кивал головой и поддакивал (между прочим, неприятный тип с толстой шеей и водянистыми глазами и по-русски говорит с акцентом), и тут опять вошли те двое в полицейской форме и встали у двери.

Переводчик сказал: “С Риккардо встреча у вас будет обязательно, в консульстве сейчас никого нет, мы уже звонили. А сейчас нам необходимо осмотреть ваши вещи”.

Старший крутит в руках мой пропуск в гостиницу. “Вы остановились здесь?”

Я говорю: “Остановился”.

Тут мне опять надевают наручники, и мы едем в гостиницу. Вваливаемся всей командой в вестибюль. Люди смотрят. Старший перекинулся словами с дежурным за стойкой, и мы входим в маленькую дверь направо. Комната небольшая, метров шестнадцать, – кабинет.

И теперь вот такая происходит вещь. В комнате большое окно с решетками – прямо напротив двери, и в окно бьет сильное солнце, нам в глаза. Поэтому все предметы – стол, стулья, диван – всё как бы немного в тумане. Еще на левой стене часы, но это тоже в тумане. А на правой стене висит большой календарь с картинкой, тоже большой, целая картина – фотография. Снято сверху, с горы, что ли? Пляж, почти пустой, – это внизу желтая полоска, выше море – синяя полоска, а еще выше – широкая – небо на закате. И это небо жутко красное. И как раз на это красное небо попадает из окна комнаты солнечный луч, и от этого оно не просто красное, а…

…не знаю, как сказать, оно такое, что краснее не бывает. И я чувствую, что не могу на него смотреть. И отвернуться тоже не могу. И у меня глаза закрываются, и сильно хочется спать.

Меня усадили на диван, и рядом сел один полицейский, а другой стоял у двери. А диван – под календарем, так что я эту фотографию теперь не вижу. Но открывается дверь, и входит женщина, наверное, их администратор или директор. Она лет сорока, с острым лицом, но не в этом дело, – у нее ярко-ярко-красные губы, а на голове тюрбан, тоже ослепительно-красного цвета. Глазам моим стало просто больно, и я, чтобы не видеть женщину, закинул голову назад, на спинку дивана, и тут мне опять полыхнуло красное небо с фотографии.

Они меня чем-то отпаивали, а потом мы пошли в мой номер. Женщина и еще один, в сером пиджаке, были понятыми. Весты не было.

“Все эти вещи ваши?” – спросил старший через переводчика.

Я говорю: “Мои. И моей жены”.

Они роются, открывают ящики стола, чемоданы. А я при этом думаю, вот сейчас бы только дотянуться до кровати, лечь и уснуть. Помощник открывает шкаф, достает оттуда Вестины платья и какой-то довольно большой, обклеенный скотчем пакет.

“Что это?” – спрашивает старший.

А я смотрю, знаю, что я его видел, но почему-то не могу вспомнить, откуда он взялся. Говорю: “Не знаю”.

И в тот же момент вспоминаю – это в Лиссабоне встречающий передал Весте портвейн и эту штуковну для чьей-то бабушки. И в тот же момент полицейский открывает дверь, и появляется Веста, а в коридоре за ее спиной маячит Маргарита. И Веста говорит по-английски: “Что происходит?” – (Это я понимаю.)

А старший что-то приказывает, и его помощник начинает разрезать скотч ножом.

Переводчик спрашивает: “Что в этом пакете?”.

А Веста начинает очень быстро говорить: “Я ничего не знаю, ничего не понимаю, я только что пришла, мы с парохода”.

И я вижу, как Маргарита за ее спиной растворяется. Полицейский шевельнулся, на одну секунду перекрыл Маргариту, а потом, когда он отодвинулся, ее уже не было.

Они разрезают пакет и несут его на стол, смотрят, наклоняются, нюхают и говорят между собой. Веста тоже все время что-то говорит.

“Кто-нибудь из вас употребляет наркотики?” – спрашивает старший.

Я говорю: “Нет, мы не употребляем”.

И тогда раздается хриплый женский голос, и директорша идет прямо ко мне и что-то громко говорит, и у нее ярко-красный тюрбан и ярко-красные губы.

21-е, суббота.

Вчера мне было плохо, и я не писал.

Появился другой следователь. Прежний тоже был тут, но разговаривал со мной новый, в маленьких очках и с пробором на голове. Переводчик все тот же – неприятный. Он меня спросил: “Как вы собирались применить ваши приборы?”.

Да, забыл! Мне еще прислали адвоката. Он сидел тут же и листал бумаги. По-русски он не говорил. Да, он вообще не говорил, помалкивал. Только два раза сказал через переводчика, что я имею право не отвечать на вопросы.

“Имеете право не отвечать на вопросы!”

Я говорю: “Да, с какой стати? Я же хочу все объяснить. Понимаете, мы все очень грешные люди. Грешим каждый день и даже не замечаем этого. И это накопление грехов больше всего

происходит возле нижних зубов. И если их оттуда удалять и систематически изничтожать, то человек может прожить гораздо более длинную жизнь. Вы же тоже, наверное, читаете Библию и должны понимать".

Я это говорю и вижу, что у следователя буквально глаза на лоб лезут. У него очки узкие, и глаза уже поднялись над очками. Я замолчал. Они посовещались, и потом адвокат говорит: "Вы не против, если мы к вам пригласим доктора-психиатра на консультацию?"

Я говорю: "Да, пожалуйста! Только я в полном порядке".

"Жалобы есть какие-нибудь?" – спрашивает адвокат.

Я говорю: "Есть. Прошу не выводить меня на прогулки во двор. Я очень не люблю красный цвет, а там стены красные".

Они переглянулись. Даже смешно, как мы друг друга не понимаем.

26-е, четверг.

Сегодня вызвали на свидание. Приходил Лева, переводчик. Принес мне корзинку с фруктами. Вообще-то зря. У меня хорошая еда. Я заказываю, и мне приносят из ресторана. Но есть не хочется. А позавчера… нет, двадцать третьего, была встреча с доктором-психиатром. Его зовут Хабер Ромуальдо-Лопес. Вот нормальный человек. Он все понял. Мы долго говорили. Только мешал переводчик, не Лева, а другой – неприятный. Все время переспрашивал – никак не мог взять в толк, что я говорю. И Хабера Ромуальдо тоже переспрашивал. Еще сидел адвокат, но он, как всегда, молчал. Мне уже сказали, что Горелик нанял для меня хорошего русского адвоката. Он должен приехать из Мадрида.

Но дело же не в адвокате. Если только захотеть, то все можно понять без всякого адвоката.

Вот Хабер Ромуальдо меня понял. Он, кстати, читал Библию и хорошо все помнит. Я ему вкратце объяснил про потоп, про Ноя и ковчег, и он постоянно кивал головой и говорил много раз – "Натуральменте!", это значит "Конечно!". Долго говорили, потом он мне проверил рефлексы.

Я спрашиваю: "Ну что, все в порядке?".

И он говорит: "Да, да! Все хорошо. Я думаю, что все будет хорошо. Вам не надо волноваться. Мы должны будем собрать консилиум, и тогда все будет ясно".

Я говорю: "Ну тогда до встречи?".

А он опять: "Натуральменте!".

27-е, пятница.

Теперь я спокоен. Только сильно болит голова. Это оттого, что совсем не бываю на воздухе. На прогулки не хожу из-за красных стен, глазам больно. А так только смотрю в окно. Максим молодец, что сумел нанять нашего адвоката. С пушечкой и баллоном для зубочистки – это, конечно, все выяснится. А вот пакет с наркотиками – это серьезно. Следователь сказал, что за это могут дать двенадцать лет. Вот тут и нужен адвокат, чтобы доказал, что я никакого отношения не имею. Я вот сейчас пишу, а сам думаю – если бы тогда с Филимоновым все пошло, как намечалось, и я бы вычистил все грехи, и было бы у меня впереди еще лет двести, ну, тогда двенадцать лет – даже не так страшно, можно и пересидеть. Смешно, конечно… натуральменте! Но теперь, когда шансов нет, другое дело, двенадцать лет – большой срок. Да я и не виноват, пусть адвокат докажет.

Ночью снились киты, которые шли с нашим кораблем.

Вот Иона, когда попал в кита, – ужас какой! У меня-то окно, кровать, еда из ресторана, а вките?.. Страшное дело! Но он молился Богу, просил его, и Бог приказал киту, и кит его выпустил. Я уверен, что и меня выпустят.

29-е, воскресенье.

Сегодня идет дождь, как у нас.

Часть третья

Документы

Документ первый

Максим Горелик

Толя был мне как друг. Самый близкий мой друг. Та трагедия, которая случилась, она и для меня трагедия. Я потерял самого близкого друга.

На самом деле в этой истории много непонятного, и я не верю ни объяснениям, ни справкам. Другое дело, что меня там не было, и я знаю все с чужих слов или по документам, а в переводе с испанского тоже могли быть искажения и путаница. Я должен был поехать к нему и очень хотел поехать, но были обстоятельства, которые не позволили мне это сделать. Об этом скажу ниже.

Здесь надо видеть несколько аспектов. Во-первых, совершенно неубедительный диагноз. Что значит “остановилось сердце”? У меня мать – медик. Она говорит, что так нигде не пишут. Раньше могли написать “разрыв сердца”, но это скорее литература, а не врачебный термин. Опять-таки надо перепроверить точность перевода, и я этим обязательно займусь.

Во-вторых, я хотел бы рассказать о самом Толе, вернее, о том, каким он был и как переменился в последнее время.

Анатолий Евтихиевич Послух был, вообще говоря, очень крупной личностью. Причем в детстве это никак не проявлялось. Он был замкнутым подростком, довольно молчаливым. Но его отличало большое упрямство. Если он решал что-нибудь сделать, то шел до конца. Например, он увлекся авиамоделированием и сумел сделать самолетик, который взял приз на соревнованиях. Учился он средне, и особенно его донимал учитель математики. И вот однажды Толя заскрипел зубами – такая у него была привычка – и говорит мне: я ему докажу. И он стал заниматься зверски, и в последние два года он был самым лучшим в классе.

Но, что у него так пойдет дело в бизнесе, этого никто не мог ожидать. Начинал он фактически с нуля, но у него была колоссальная интуиция. Чутье было. Провалов он не знал. Естественно, были подъемы, были спуски, а провалов вообще не было. Он удивительно чувствовал конъюнктуру. Раз или два он неожиданно продавал дело, которое было успешным и на полном ходу. Говорил: надоело, займусь другим. И всегда оказывалось,

что продал выгодно и, главное, очень вовремя.

Нынешнюю нашу фирму мы создали семь лет назад. То есть создал он, я ему подал идею, но осуществлял все он сам, в одиночку, а потом, через полгода, позвал меня в дело. И тут еще одна его особенность – колоссальная работоспособность. Когда заведется, он может круглые сутки не останавливаться.

Вот мы подходим к тому, что случилось в прошлом году. Я принес ему новую идею развития – сетевой проект “Чайный лист”. Не буду входить в подробности, но это очень выгодный поворот, с дальним прицелом. И вдруг, может быть, впервые за все время, я увидел в Толе странную вялость. На этой почве у нас с ним возникали даже конфликты. Я подумал, что он снова разочаровался в своем деле и хочет затеять что-то новое. Но дело было в другом.

Теперь, когда я прочитал его “Записки”, я начинаю понимать, что именно тогда началась его болезнь. А то, что это была душевная болезнь, не вызывает никаких сомнений. Толя Послух оказался в плену целой сети мошенников, и это спровоцировало те отклонения, которые постепенно превратились в манию. На свои новые и весьма странные увлечения он стал тратить бешеные деньги. Однако фирма стояла крепко. И, надо отметить, параллельно со своей новой тайной жизнью Толя за последний год сделал несколько весьма удачных биржевых ходов, скорректировал маркетинг фирмы, что принесло значительные доходы.

Когда Анатолий Евтихиевич снова призвал меня к управлению, у нас состоялся большой установочный разговор. Все, что связано с разговором, подробно зафиксировано в “Записках”, но содержание нашего двухдневного общения он утаил. Он отметил только мою реакцию – что я жутко смеялся и не мог остановиться. Это правда. Он говорил невероятные вещи. В его голове все путалось. Цитаты из Библии шли рядом со смутными медицинскими открытиями. Он лихорадочно доказывал возможность удлинения срока жизни вдвое, втрое и даже больше. Он доходил даже до идеи обретения бессмертия и рая на земле. На второй день разговора он всерьез предложил, чтобы мы с ним оба крестились у его знакомого священника. Причем все это было тоже смутно. То он говорил, что в детстве его тайно крестила бабка, то кричал, что он нехристь и грешник, и только сейчас может обрести веру “путем, – так он говорил, – кардинальной чистки зубов”! Ну, понятно же, что я смеялся до колик, когда выслушивал это. Он уговаривал меня, что евреям можно креститься, что это разрешено – он выяснял у отца Склифосовского. Толя хотел, чтобы я стал христианином и тогда

дал ему клятву, что не кину его, пока он будет спасаться на ковчеге. В общем, это был фантастический разговор. И его “повесть”, – можно ведь и так сказать? – которую он назвал “Выскочивший из круга”, правильнее было бы назвать, как у Гоголя, – “Записки сумасшедшего”.

Я никак не хочу оскорбить память Толи, я его очень любил. Но для того, чтобы осмыслить его трагический уход из жизни, надо смотреть правде в глаза.

Теперь о событиях в Барселоне. Весть о его аресте, обвинения в террористической деятельности и в распространении наркотиков привели всех нас на фирме в состояние шока. Разумеется, я не верил ни тому, ни другому. Я сразу подумал, что недоразумение как-то связано с Вестой, потому что знал раньше эту женщину. Я предупреждал Толю, что от нее можно ждать любых неожиданностей, но он не хотел слушать. Я сразу установил связи с Испанией, и мне удалось найти хорошего адвоката, Кравцова, русского по происхождению, но давно живущего там и знающего местные законы и обычаи. Я собирался вылететь в Барселону, но в это время сильно заштормило вокруг нашей фирмы со стороны налоговой инспекции. Нужно было находиться здесь.

И как раз в это время мы стали действовать в тесном контакте с Ярославом – сыном Анатолия. Я его знал еще первоклассником, потом много лет не видел, и вот теперь, после ареста Толи, он появился у меня. Мы ежедневно встречались или говорили по телефону. В “Записках” о сыне всего несколько фраз, и к тому же недоброжелательных. Это очень несправедливо. Ярослав Анатольевич показался мне разумным, энергичным и весьма современным человеком. Он стал похож на Толю в молодости. Если бородку сбрить, то вылитый Толя. Но Ярослав при этом очень образованный человек, а Толя ведь был, надо признаться, совсем темный.

Ярослав сильно переживал за отца, и мы вместе искали, как ему помочь. А когда случилась внезапная трагедия и встал вопрос о перевозке тела и получении всех окончательных бумаг, Ярослав решительно сказал, что ехать должен он – это его право и его долг. Я не возражал и хотел ехать с ним, но не мог в этот момент бросить дело – это я уже объяснял.

Мы похоронили Толю на Востряковском кладбище – на правой стороне, там, где хоронить уже запрещено, но мне удалось добиться разрешения.

Теперь важный вопрос о наследовании имущества, прав и капиталов. В “Записках” определенно написано, что Толя перед

отъездом решил передать мне ВСЕ права на управление, вместе с правом ПЕРВОЙ ПОДПИСИ на документах. Он хотел сделать меня “ВТОРЫМ ПОСЛУХОМ” – это его слова. Анатолий Евтихиевич упрямо настаивал, чтобы я на время его отсутствия стал именно собственником предприятия, такова была его воля, и он ее закрепил во ВСЕХ полагающихся документах, которые я могу в любой момент предъявить.

Но была семья, и есть дети. Это факт, и никто не собирается его отрицать. Ярослав наследует личное имущество Послуха. Оно довольно значительно. Я считаю неделикатным входить в подробности, но это дорогой загородный дом, две машины и, главное, – финансовые активы на личных счетах. Все это, естественно, отходит Ярославу с тем, однако, что есть обязанность выделить средства на обеспечение младшего сына Анатолия Вадима. Что касается капитала покойного Анатолия Послуха, являющегося частью общего капитала фирмы, то его выделение с целью последующей дележки обрушило бы все наше предприятие, особенно в нынешнем шатком его положении, в связи с претензиями налоговых органов.

Я вообще мог бы не обсуждать этот вопрос, так как юридически, морально и фактически являюсь собственником фирмы. Однако в связи с претензиями со стороны бывшей жены Анатолия – Послух Татьяны Ивановны, должен заявить следующее: она БЫВШАЯ жена Послуха А.Е. Развод с ней оформлен документально, и у меня имеются копии всех документов. Так что юридически ее претензии АБСОЛЮТНО необоснованны. При разводе ей была выделена значительная сумма и часть собственности (квартира в Москве, машина марки “опель” и пр.).

Я встречался с адвокатом Татьяны Ивановны – Малевичем О.М. Он человек опытный и, думаю, сам понимает, что их иск к фирме не имеет перспективы. Разумеется, решит суд, но дело это для них безнадежное.

Что касается моральной стороны дела, то я в курсе отношений Анатолия с бывшей женой – уже несколько лет их брак был простой формальностью, и развод просто закрепил существующее положение дел. Они давно стали чужими людьми. Приходится напомнить, что, когда случилась беда, не Татьяна Ивановна, а фирма и мои личные средства обеспечивали все траты по переговорам, найму испанского адвоката, обеспечению нормальной жизни Анатолия, а впоследствии перевозки его тела и похоронам. Татьяна Ивановна пальцем о палец не ударила и опомнилась только тогда, когда замаячили большие деньги. Спрашивается, морально ли это со стороны человека, который

много лет только портил жизнь покойного?

Ярослав Анатольевич вполне понимает мою позицию. У него с матерью давно уже сложные отношения. Ярослав начал собственное дело. Входить в нашу фирму по некоторым личным причинам он не намерен. А от меня он получил значительную сумму в поддержку своего нового предприятия. Ярослав Послух не имеет к нам НИКАКИХ претензий, о чем составлено соглашение, нотариально заверенное.

Также мною предложена некоторая сумма на постоянное обеспечение младшего сына Анатолия Евтихиевича Вадима до его совершеннолетия. Это могло бы стать компромиссом для заключения мирового соглашения с Послух Т.И., что я и передал ей через адвоката Малевича О.М.

Я очень любил Толю. Его уход – громадное горе для всех работников фирмы и для меня лично. Те, кто его знал, кто общался с ним по делам или в быту, высоко ценили его деловые и человеческие качества. На прощание с ним пришло очень много народа, человек триста. Когда его отпевали, священник сказал замечательные слова: “Прости, Господи, рабу божьему Анатолию грехи его. Он не был церковным человеком, но он был на пути к храму Божьему, а значит, и к Богу”.

А мне остается только повторить те слова, которые я сказал над гробом: “Толя, дорогой! Трудно представить, как будут без тебя твои близкие. Они осиротели. Но мы все, твои соратники по фирме, созданной тобой, мы тоже твои близкие. И мы тоже осиротели. Прости, если что было не так, прости, что мы не уберегли тебя. Спи спокойно. Пусть земля тебе будет пухом”.

Документ второй

Малевич Олег Михайлович, член ГКА

По просьбе моей доверительницы – Послух Татьяны Ивановны – мною были переданы ей поступившие ко мне копии документов:

1. Записки покойного мужа Татьяны Ивановны – Послуха Анатолия Евтихиевича в виде произведения, похожего на литературное, под названием “Выскочивший из круга” на 94 (девяноста четырех) страницах.

2. Объяснительное письмо управляющего фирмой “Элион – Чайный лист”, принадлежащей Послуху А.Е., – Горелика М.Я. на 9 (девяти) страницах.

Моя доверительница, – Послух Татьяна Ивановна, – ознакомившись с вышеназванными документами, уполномочила меня довести до сведения всех заинтересованных лиц нижеследующее заявление.

Документ третий

Послух Татьяна Ивановна

Мы с Анатолием прожили двадцать четыре года. И мне нечего доказывать, кто он мне и кто я ему, у нас двое детей. И когда я прочитала эту его писанину, после этого плакала два дня. Я не говорю, что это не он писал, нет, писал он, такое подделать нельзя. Но это писал другой человек, не тот, с которым мы прожили нашу жизнь. Он что, забыл, какой он был, когда мы с ним поженились? Как я намучилась с его фантазиями, когда он все время оставался с пустым карманом, а Славику было два года и он все время болел, и я при этом работала в детском саду? А когда в 89-м он полтора года вахтовал в Ухте и к нам заглядывал хорошо если раз в два-три месяца, – это он забыл? И в результате он, конечно, поднялся. Но это ведь и я его подняла, неизвестно, как бы он сам добился всего.

Исходя из вышесказанного, в этих “Записках” я вижу себя не только обойденной вниманием, но и наблюдаю искаженный портрет глупой и ревнивой дуры.

Но еще хуже письмо Максима Горелика. Его я тоже знаю очень много лет и думала, что он человек порядочный, но это оказалось не так.

Толя с Максимом дружили, это правда. В молодые годы я от них довольно натерпелась. И от выпивок их, и от гулянок. Но потом их пути разошлись, и они уже так часто не встречались. И хотя в последнее время Горелик стал работать у Толи, было ясно, что их пути разошлись и они давно чужие люди. Из “Записок” я узнала, что Толя даже увольнял Горелика за неблаговидные махинации, видимо, раскусил его натуру. Но потом Горелику удалось стать даже управляющим.

Заслуживает внимания, что в своем так называемом “письме” Горелик М.Я. называет “Записки” Анатолия – “Записки сумасшедшего”. Тут как раз Горелику в проницательности не откажешь! Толя очень изменился за последние полтора года. Его как будто подменили. Это видно из того, чем он, оказывается, тайно от меня занимался, и от самого факта написания этих

“Записок”, потому что раньше он никогда ничего не писал. Теперь становится понятным, что полтора года назад мой муж – Послух Анатолий Евтихиевич – сошел с ума.

Этот вывод можно сделать из медицинских заключений врачей, которые им занимались в местах заключения г. Барселона. Этот же вывод напрашивается из вышеприведенного письма его старого знакомого Горелика М.Я., который определенно констатирует происшедшие в моем муже необратимые перемены. К такой точке зрения присоединяюсь и я, его жена, родившая ему двух детей и прожившая с ним долгую совместную жизнь.

К великому сожалению, это данность. И надо из нее исходить. Следовательно, действия и поступки Послуха А.Е. за последние полтора года следует считать действиями и поступками невменяемого человека, за которые он не может отвечать. Именно в этот период Анатолий неожиданно и без всяких оснований подал заявление на расторжение нашего брака. Я была полностью против. Но он, пользуясь своим влиянием, связями и умением дать, кому надо и сколько надо, быстро провернул бракоразводный процесс, поделив наше общее имущество так, как будто я и дети ему чужие люди. Нанятые им адвокаты заморочили мне голову и, фактически, заставили меня подписать разводные условия. Я подписала их, не вполне понимая, что я подписываю, и при этом я уже видела, что Толя нездоров, и не хотела перечить больному человеку, чтобы не причинить ему лишнее страдание.

В связи с вышеизложенным, заявляю, что расторжение нашего брака считаю недействительным, о чем подаю заявление в соответствующие инстанции.

Второе – передача всех прав собственности на фирму “Элион – Чайный лист” Горелику М.Я., сделанная моим мужем Послухом А.Е. в состоянии безумия, должна быть пересмотрена и отменена, о чем также подаю исковое заявление.

И третье – мой сын Послух Я.А. не имеет права без моего согласия подписывать бумаги и соглашения, касающиеся нашего общего наследства, оставшегося после трагической кончины моего мужа, а его отца Послуха А.Е.

Официально заявляю, что моим единственным представителем и полностью доверенным лицом по всем делам, связанным с наследством моего мужа и дальнейшей судьбой принадлежащей ему фирмы “Элион – Чайный лист”, является член Городской Коллегии адвокатов Малевич Олег Михайлович, в чем ему выдана нотариально заверенная доверенность.

Документ четвертый

Зухра Евсеевна Цвеймуттер

(расшифровка записи на диктофон)

Даже не знаю, что я могу вам рассказать. Вашего отца я знала только по работе. Я ездила к ним в поселок и проводила технические процедуры стоматологического направления от фирмы “LW-16”. Руководил фирмой Филимонов Максимильян Геннадьевич. Он был руководителем, и я все делала по его прописи. У меня было несколько клиентов. Ну, о вашем отце что могу сказать: он был всегда вежливый, любознательный, всем интересовался…

Голос Ярослава. А сколько времени это все длилось? Поездки ваши, сеансы.

Зухра. Ну, там был один большой перерыв, потом не всегда совпадало время, он ведь был очень занятый, сейчас я уже точно не помню… ну, примерно полгода. Да, потом Анатолий Евстахиевич приобрел еще аппараты ИФ и ОИФ-3, и я их тоже обслуживала там, у него на даче, пока были поставки из Цинциннати…

Голос Ярослава. Это я все знаю. А скажите, вы сами верили, что это ваше… не знаю, как назвать… лечение, что ли… верили, что оно что-нибудь дает? Вы замечали какие-нибудь изменения, улучшения или, наоборот, ухудшения?

Зухра. Видите ли, ведь воздействие по методу Филимонова имело очень пролонгированное действие. Но, разумеется, я наблюдала, как реагирует пациент, какое общее состояние. Мне кажется, ваш отец был в очень хорошей форме, оптимистично настроен… он очень увлекся методом…

Голос Ярослава. А вы не замечали каких-нибудь психических отклонений, особой нервности, или апатии, или, может быть, бессвязной речи иногда?

Зухра. Нет, что вы! Анатолий Евтихиевич был очень разумный и бодрый человек.

Голос Ярослава. Вот что, Зухра, я тебе сейчас задам вопрос, и ты ответь мне по-человечески, честно ответь. Я тебе даю слово, что дальше нас с тобой это никуда не пойдет. Мне просто нужно понять, для себя. Ты никогда не думала, что вся ваша фирма была мошенничеством? Вы же просто по-черному обдирали богатых людей!

Зухра (после молчания, на глазах слезы). Я уже наслушалась

таких вопросов. Это очень обидно, но некоторые так думают. Я вам вот скажу, просто и по-человечески – вы что ж, своего отца дураком считаете или Бугримова, который тоже принимал сеансы, он, между прочим, миллиардер, они, по-вашему, дураки? Их же не принуждали, они сами выбрали этот метод, они хотели жизнь изменить, они хотели избавиться от грехов. А что это дорого стоило, так вы знаете, сколько Филимонов работал над аппаратами, круглыми сутками? Он был большой ученый, это и на похоронах его говорили – а там были и доктора наук, и даже члены-корреспонденты. А то, что случилось несчастье и с Филимоновым, и там, в Цинциннати, а потом и с вашим отцом, так это очень горько, но что же делать? Вот такая жизнь… А кто виноват, это теперь уже там, на том свете, искать надо. Извините меня, я больше ничего говорить не буду. Я ничего не знаю. Если я что делала, то думала, что это на пользу. А больше ни про что, ни про что не знаю… Все… Выключите магнитофон… Я говорить не буду *(плачет)*. Извините.

Документ пятый

Николай Акимович Сохно, доктор физико-математических наук

Я хорошо знал Филимонова в былые годы. Давно. Он был самым молодым из нас и не просто самым одаренным, а, смело могу сказать, невероятно одаренным. А по натуре был странным, эксцентрическим человеком. Одиночка, с совершенно таинственной личной жизнью. И, можно сказать, натура авантюристическая. Его бросало из стороны в сторону. Он занимался проблемами резонанса твердых тел и написал блестящую работу. Но так и не защитился, потому что отвлекся и ушел в другую область.

Но Вас интересует Филимонов последних десяти лет его жизни. Я совсем не знал его в эти годы. То, что Вы мне рассказали, меня крайне насторожило, но, признаться, не особенно удивило. Да, он одно время увлекался свойствами порошковых тел, делал опыты со взрывчаткой, но в те годы это носило характер несколько любительский. Во всяком случае, прикладного значения иметь не могло. Что было дальше, не знаю.

Вы спрашиваете о его отношении к религии и к церкви. Да, в те весьма атеистические времена он несколько демонстративно эпатировал нас тем, что связывал достижения науки с божественным промыслом. Не знаю, ходил ли он в церковь, но

крест носил и демонстрировал его. В нашей научной среде это выглядело штукарством или, скорее, проявлением артистического склада характера. Покинул он наш институт в период начавшихся материальных затруднений. Не он один, многие в то время уходили в прикладные сферы или в бизнес. Не осуждаю, но сожалею.

На Ваш прямой вопрос, мог ли Филимонов быть откровенным мошенником, отвечу – не смею так думать, не хочется. Он артист, человек с вывертом, но не хитрец и не обманщик. Так мне кажется. Но я ученый, я должен быть уверен в том, что говорю. Поэтому, может быть, я ошибаюсь в Филимонове. И – вот сейчас подумал! – скорее всего, я ошибаюсь.

Документ шестой

Никифоров В.И., зам. начальника паспортного стола г. Ногинска

На ваш запрос за № 102/ 063-11 от 14/09 сообщаю:

Произведенная проверка показала – гражданка Карпец Веста Андреевна проживала по адресу г. Ногинск, ул. Ревсобраний, д. 17-а, кв. 34, на площади, принадлежащей Сафоновой Людмиле Петровне, пенсионерке, по заключенному договору по патронажу и уходу. В мае с.г. гр-ка Карпец В.А., не расторгая договора, выписалась с указанной площади и в настоящее время в г. Ногинске не проживает.

Местонахождение гр-ки Карпец Весты Андреевны нам неизвестно.

Документ седьмой

Борис Ефимович Розанов, зав. отделом издательского дома “Оскол”

Повесть Анатолия Послуха “Выскочивший из круга” произвела на меня двойственное впечатление. Жанровый дисбаланс оставляет читателя в недоумении, является ли он результатом сознательного смешения взаимоисключающих тенденций или откровенной неспособностью неофита справиться с материалом и снабдить его формообразующими векторами.

Начальный посыл (почти вся Первая часть Повести) воспринимается как самопародия, почти как фельетон, тогда как

Вторая часть носит, скорее, исповедальный характер.

Скажу сразу, что язык Повести – этот язык современного уличного сказа, язык спотыкающейся скороговорки, полный “мусорных” словечек, – как ни странно, язык этот меня не смущает. Он органичен для автора и потому приемлем, автор купается в свободе современных искажений великого русского языка. Другое дело, что монологическая форма Повести (не рассказа, а все-таки – повести, довольно крупного произведения!) требует высокой степени мастерства и, да простит меня автор, не сравнимой с его уровнем степени таланта. Монологическую форму длящегося произведения мог позволить себе Достоевский, могли позволить себе Камю, Сартр, но надо признаться, что уже Набокову не вполне удается попытка монологизировать достаточно крупную по объему вещь (“Отчаянье”), и он оказывается в плену суженного, благодаря интеллектуальной заурядности героя, набора выразительных средств. Отсюда, да простит меня покойный Владимир Владимирович, не столь полное дыхание музыки ритмов, поражающих в иных его произведениях.

Но вернемся к “Выскочившему”. Минуя достоинства и недостатки формы, обратимся к содержательной части. Если попробовать быть кратким, то можно определенно сказать, что эта Повесть – ГОЛОС КРИЗИСА.

Рассказчик – человек вполне состоявшийся, обеспеченный, сравнительно молодой, человек, которому открыты все блага современной цивилизации, – впадает в беспокойство, соблазняется эфемерными посулами, которые устремляют его к трансцендентным мечтаниям и даже попыткам реального строения в ЭТОМ мире мира ИНОГО. Мы могли бы с полным правом назвать героя Повести – новым русским. Да, это он, мы узнаем его по многим признакам. Это он – герой сотен анекдотов, объект насмешек и жгучей зависти, неизбежный подражатель и ученик во всем, но при этом хозяин и строитель современной жизни. Отвергающий прежнее и, вместе с тем, рабски цепляющийся за него. Парадоксально зависящий от тех, кто в силу материальных необходимостей полностью зависит от него. Это особенный, очень национально выраженный тип человека, как бы вынырнувшего наконец на поверхность из глубины, где ему уже нечем было дышать. Это человек, жаждущий радости и наслаждений и способный их поглощать в неумеренных количествах.

Отметим это словечко – “неумеренных”! Тут-то и заковыка!

Рассматриваемая нами Повесть, разумеется, – частный случай, беда или “прозрение” одного данного человека,

созданного воображением (или самонаблюдением?) Анатолия Послуха. Но так ли уж наивен наш автор? Нет ли в этом вскрике о неблагополучии в душе главного героя угадывания некоего кризиса, который подбирается к подсознанию, а впоследствии и к сознанию целого важнейшего слоя нашего общества, определяющего его развитие на данном этапе?

Если это так, то мы могли бы экстраполировать частную комическую словесную ткань Повести на куда более общее и драматическое плетение психологических составляющих сегодняшнего общества.

Начавшаяся с эпохи Просвещения секуляризация христианского мира достигла своего апогея в тоталитарных режимах века XX. А далее синусоида естественного развития неизбежно ведет к тем порогам, о которые спотыкаются разум и позитивные науки, и вновь, на удивление всем светлым умам и пророкам прогресса, мы видим (повсеместно!) признаки клерикализации общества.

“Выскочивший” невольно (или сознательно?!) отражает и выражает эту перенасыщенность материальным, когда душа, до предела загроможденная всем плотским, вдруг начинает оживать и требовать для себя того, что Евангелие называет “сошествием Духа”. И тогда начинается безоглядный СБРОС всех материальных наслоений, сброс, меняющий всю структуру жизни, меняющий знаки добра и зла на противоположные, сброс, который, во всяком случае, радикально противостоит агрессивной “радости бытия” в безбожном, окончательно секуляризованном мире. Именно отсюда берет начало подлинное (или, порой, мнимое!) религиозное одушевление и воцерковление интеллигенции. И – конечно же, становящееся модой движение немедленно подхватывается корыстным, материалистическим слоем общества. Возникают многочисленные сектантские, магические, полунаучные и псевдонаучные “открытия” и соблазны. Эта вакханалия сочно и убедительно обыграна в Повести. Я имею в виду сцены в фирме “LW-16”. При абсолютной невероятности происходящего они, как ни странно, – убедительны!

То, что начинает совершать герой повести, окружающим его, да и ему самому начинает казаться безумием. Да это и есть безумие – с точки зрения агрессивно-материалистического мира, кровным сыном которого является наш герой.

Рассматриваемая в таком ракурсе, Повесть приобретает иное звучание, и насмешливость, с которой мы глядим на описываемые эксцентрические события и размышления героя, постепенно осознается как насмешка над самими собой. Именно в этом,

может быть, главное (если не единственное?!) достоинство произведения.

Надо признаться, что наше время сильно грешит так называемой “игрой в имена”. Автор ведь и начинает свое повествование словами: “Деньги делают имя. Но и имя делает деньги”. Да, именно так! Это лукавое словечко “бренд”! Я хочу сказать, что, буде эта повесть подписана именем, которое является “брендом”, она могла бы прозвучать. Но увы! Имя Послух не является брендом. Если бы начинающий автор был молод, имелись бы пути включения его в орбиту “открытий”. Но… – опять-таки, увы! Автор – человек средних лет, скорее даже клонящийся к закату. Анатолий Послух становится невольной жертвой породившего его времени, которое живет в порочном круге, формула которого: СЛУШАЮТ ТОЛЬКО ТОГО, КТО ЗНАМЕНИТ, А ЗНАМЕНИТ ТОЛЬКО ТОТ, КОГО СЛУШАЮТ.

P.S. Для меня стало неожиданностью и событием знакомство с сыном Анатолия Послуха – Ярославом. В разговоре с ним для меня открылись совершенно новые обстоятельства. Главное из них – трагическая кончина автора “Выскочившего из круга”. Не менее важно и другое – невероятные события, описанные в повести, целиком или, по крайней мере, частично являются реальными фактами, и персонажи повести оказываются реальными людьми.

Два этих обстоятельства повергают меня в растерянность. Я никак не отрекаюсь от моей оценки текста, я не буду менять в ней ни одного слова, это мое убеждение, но я готов заново обсудить судьбу “Выскочившего из круга”.

Прежде я не видел возможности издания Повести в виде книги и советовал Ярославу обратиться в журналы, не столько литературные, сколько склоняющиеся к проблемам социологическим и психологическим. Такие журналы есть, и “Выскочивший”, несомненно, должен их заинтересовать.

Однако Ярослав Анатольевич, молодой, но весьма успешный предприниматель, обозначил интересные горизонты сотрудничества с издательским домом “Оскол”, и это меняет дело. Мы могли бы, идя навстречу пожеланиям сына покойного (и, еще раз скажу, – интересного!) автора, найти форму специального, несерийного выпуска данного произведения в виде, скажем, подарочного издания. Если позволят материальные возможности Ярослава Анатольевича, мы могли бы привлечь к работе одного из выдающихся книжных графиков, сотрудничающих с нами. Полагаю, что яркий эксцентрический

текст даст богатую пищу для воображения художника и сделает книгу привлекательной для значительного количества читателей.

В добрый путь, Ярослав!

Документ восьмой

Лев Магид

(переводчик испанский – русский, гид по Барселоне и Каталонии, 29/ – 4, Calle de Muntaner, Barcelona)

Дорогой Ярослав!

Мне удалось получить Ваш адрес от доктора Лопеса, врача, который был приглашен лечить Вашего отца в последние дни его жизни. Извините меня! Я не имел возможности связаться с Вами раньше.

Я был переводчиком у Анатолия в тот злосчастный день. Мы совершили с ним большую прогулку по Барселоне, к той конторе, куда он так стремился, и где, столь несправедливо, была оборвана его свобода.

Всего один день общения, но этот день остался в моей памяти навсегда. Я узнал человека, возвышающегося над обычной жизнью, открытого, щедрого и, мне показалось, очень наивного в своей открытости. Я совершенно убежден в его полной невиновности. Нам кажется, что это только у нас, в России, засилие бюрократии и жесткое давление полицейской власти, но это не так. Здесь, в Каталонии, Анатолий стал жертвой компании антитеррора, когда, обжегшись на молоке, дуют на воду. А он был как бы отдельно от всего. Что мне особенно запомнилось, – как он смотрел на деревья, на пинии, и все удивлялся, какие они красивые. Он еще сказал: “Раньше я их не замечал”.

Я дважды был у него в тюрьме и видел, как он угасает. Наблюдать это было невыносимо больно. Я все время вспоминал тот день, когда он был полон сил и надежд. Наверное, Вам странно будет услышать, что я воспринял его как человека совершенно родного. Это был человек оттуда – из моего прошлого, из моей страны. Здесь я живу уже восемь лет, я неплохо устроен, работаю, но жизнь здесь, поверьте, тоже нелегкая. Чего-то не хватает. Может быть, именно того, что было в Вашем отце.

Примите мои самые искренние соболезнования в связи с тем, что Анатолия больше нет с нами, с Вами.

Ваш отец был совершенно замечательным человеком. Жму

Вам руку, и всего доброго!

Лев